

vk.com/Skp_tr

Дневник Делайлы

3 сексуальный ррен

Джасинда Уайлдер

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Оригинальное название: Delilah's Diary: Sexy Surrender

Книга: Сексуальный плен

Автор: Джасинда Уайлдер

Серия: Дневник Делайлы

Количество глав: 10 глав

Переводчик: Дарья Виноградова, Валерия Бережная,
Ольга Русинова, Юля Бессонова, Анастасия Богданова

Сверка: Танечка Андреева

Редактор: Катюка Скворцова

Вычитка: Юлия Большакова

Обложка: Анастасия Фисенко

Оформление: Юлия Большакова

Переведено для группы: https://vk.com/skp_tr

Это эротическая новелла, предназначенная только для аудитории старше +18! Содержит супер сексуальные горячие сцены между двумя потрясающими героями.

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Я позвала Луку, и он пришел. А потом вновь, но в этот раз я ушла вместе с ним. Дело было вовсе не в сексе. Проблема была в таком чувстве как любовь и в том, была ли я готова так быстро испытать ее снова.

ГЛАВА 1 21 Июня

Мое сердце гулко стучало в груди, когда я поворачивала ручку двери своего номера в отеле Парижа. В коридоре, засунув руку в карман голубых джинсов, стоял Лука. Его темные волосы разметались по лбу, падая на глаза. Он откинул непослушные пряди мозолистой рукой, в угольно-черных глазах светились гнев и боль. Бесконечная, напряженная пауза повисла между нами. Мы молча стояли, не двигаясь.

Я сжала руки перед собой, пытаясь подавить дрожь.

— Лука, я... — Я отступила от двери, не в силах взглянуть ему в глаза. — Зайдешь?

Лука прошел в номер и сел в кресло у окна, скрестив руки на широкой груди. Взгляд его был тверд и непроницаем.

— Почему ты бросила меня, Делайла?

Я тряхнула головой.

— Это... Мне жаль. Я не знаю.

— Полагаю, ты знаешь.

Я пересекла комнату и остановилась напротив него.

— Ты ведь прочел записку. Вот почему.

— Какие-то детские оправдания. Ничего больше. Это ничего не объясняет, — фыркнул Лука.

— Ну ладно, и что же ты тогда хочешь услышать? — Наши взгляды наконец встретились, но его взгляд по-прежнему был тяжелым, в нем читались гнев и, прежде всего, боль.

— Я бы хотел услышать от тебя правду, а не бессмысленные дерзкие оправдания.

На меня накатила волна раздражения.

— Никакое это не дерзко, Лука. Это и есть правда. Я не знаю, что происходит между нами и как с этим справиться. Ты заставляешь меня чувствовать то, что я никогда до этого не ощущала. Это пугает. Все происходит так быстро после... после Гарри. Я не убегаю конкретно от тебя, я убегаю от нас.

— Думаешь, я предам тебя так же, как твой муж? — Лука почесал колено через джинсы.

— Бывший муж. И нет, не совсем так. Тебя самого уже предавали, и я не думаю, что ты поступил бы так же с кем-нибудь. Кроме того, я не думаю, что ты из таких людей.

— Но ты все равно убегаешь каждый раз, когда чувствуешь, что между нами происходит что-то, чего ты не ожидаешь.

Я смогла только кивнуть. Через какое-то время дар речи ко мне вернулся.

— Ты... ты заслуживаешь лучшего, Лука. Ты такой чудесный. А я... Я не знаю, кто я.

— Я знаю, кто ты, — сказал Лука, наклоняясь вперед. — Ты Делайла Флорс. Ты красивая, смелая и чертовски сложная, словно бриллиант со множеством постоянно изменяющихся граней, готовых показать миру нечто новое.

Я покачала головой.

— Должно быть, мы с тобой видим разных людей, глядя на меня, — нахмурилась я.

— В этом нет никакого смысла.

Лука засмеялся.

— Действительно, но я понял, что ты имеешь в виду.

Он встал, и его глаза потеплели. В чертах его лица по-прежнему были боль и гнев, вокруг глаз виднелись гусиные лапки, а брови хмурились.

— И тем не менее, именно это я вижу в тебе. Такого человека я узнаю, разговаривая с тобой. И ты тоже должна его увидеть.

— Я не знаю как!

— Я научу тебя. — Лука шагнул ко мне и оказался всего в паре сантиметров от моего лица. Он буквально впивался в меня взглядом, от его тела исходили пульсирующие

волны жара. — Но ты должна решить, хочешь ли быть со мной. Пожалуйста, пойми — это не предложение оставаться вместе навечно. Я просто предлагаю проводить вместе больше времени. Но если ты собираешься убегать каждый раз, как мы испытаем близость, ничего не получится.

Я кивнула и хотела ответить, но Лука продолжал:

— Если ты боишься, просто скажи мне. Если ты чувствуешь, что тебе нужно больше времени наедине с собой, чтобы привести в порядок мысли, скажи мне. Я могу предоставить тебе место, чтобы подумать, тебе не нужно для этого каждый раз бежать в Париж. Я также пойму, если ты решишь поделиться своими мыслями со мной. Обещаю.

— Лука положил руки мне на плечи. — Если ты снова убежишь, я не буду тебя преследовать. Я приму это как твой выбор больше не быть со мной.

— Понимаю.

Он подошел так близко, что между нами совсем не осталось преград. Наши тела крепко прижимались друг к другу, его руки обхватили мою талию, а мятное дыхание грело мою щеку. Я не могла поверить, что он снова хочет быть со мной несмотря на все, что я сделала, чтобы оттолкнуть его. В памяти вспыхнули лицо и пальцы Франсуа, и к горлу подкатила желчь.

Я отскочила от Луки.

— Что такое? — Его глаза сузились. — Что-то произошло, так? Ты сделала что-то или нечто произошло с тобой.

Я отвернулась и уставилась в окно. Париж занавесило дождем и серостью. На тротуарах расцвели зонтики, похожие на огромные геометрически очерченные цветы, покачивающиеся над мелькающими ногами и ботинками.

— Прошлой ночью я напилась. Сильно. Я не слишком к такому привычна, ты же знаешь? Я никогда до этого сильно не напивалась, так что, кажется, я не слишком хорошо переношу алкоголь...

— Что случилось? — Голос Луки был напряжен и тверд; он явно готовился к худшему.

— В общем, со мной заговорил один парень. Он не очень мне понравился, мне просто хотелось, чтобы он оставил меня в покое, понимаешь? Но он настаивал, и... чем сильнее я напивалась, тем более настойчивым он становился. Теперь я понимаю, что мне стоило просто уйти, но тогда до меня это не дошло. Короче, он все уговаривал и уговаривал меня, и я уже не могла нормально думать, и в какой-то момент я обнаружила, что еду с ним куда-то...

— Ты переспала с ним?

— Я... нет, но слушай, он... мы были в его квартире, и я помню, что мне это не нравилось, а он все трогал и трогал меня, и мне все меньше это нравилось. Он был... он был груб. Я словно онемела, мысленно я кричала «нет», но вслух ничего не могла сказать. В конце концов, он потрогал мою киску, и было больно. Каким-то образом это привело меня в себя, то есть, я, наконец, смогла говорить, и я его ударила. В смысле, я пнула его прямо в зад и убежала.

— Ты сможешь узнать его, если снова встретишься? — спросил Лука.

— Полагаю, что да. Да, точно смогу. — В памяти всплыло его лицо, и меня пробила дрожь. — А что?

— Мы найдем его, и я отдаю его по полной программе.

Я покачала головой.

— Нет, Лука. Не надо. Оно того не стоит. Кроме того, как мы вообще найдем одного-единственного человека во всем Париже?

— Ты же была у него в квартире, так? И вернулась оттуда.

— Ну, да, но я плохо все помню. И я даже не уверена, в каком баре была. Я просто гуляла, пока не нашла какое-то шумное место, а когда мы уходили, у меня уже все плыло перед глазами. Когда я убежала от Франсуа, то просто сунула таксисту визитку отеля. —

Я повернулась к Луке и коснулась лбом его груди. — Мне хочется забыть о нем, обо всем этом. Хочу назад, в Италию.

Лука погладил меня по затылку. Он глубоко дышал, но сердце в груди стучало ровно.

— Что ж, хорошо. Иди ко мне, и давай начнем все заново.

Я кивнула, все еще укутавшись ему в рубашку, и после взглянула на него сквозь полуоткрытые ресницы. Руками я обнимала его талию, а ладони лежали на плечах.

— Лука? Мне так жаль. Так жаль. Ты простишь меня?

Лука улыбнулся мне. Его пальцы проследили линию моей челюсти, коснулись моего подбородка, а затем его ладони обхватили мое лицо.

— Конечно, да, моя белла Делайлла. Конечно, я знаю, тебе было больно. Трудно снова доверять, когда тебя предали, но ты должна мне доверять. И когда невозможно поверить, только скажи мне, о чем думаешь, и мы сможем найти выход, вместе, хммм?

Наши глаза встретились, а губы приблизились, но он не поцеловал меня. Мне отчаянно нужно целовать его, прикасаться к нему, чувствовать его руки на себе. Я нуждалась в физических, материальных напоминаниях о его желании.

Его любви ко мне. Он не говорил слов, но между нами витал такой ураган эмоций, ожидаемых и невысказанных. Я знала это, он знал это. Это, пожалуй, было то, что действительно пугало меня. Не то чтобы я не доверяла Луке. Я знала, инстинктивно и через его постоянные демонстрации, что он не обидит меня и не предаст. Я боялась его любви. Я боялась, что буду нуждаться в нем. Я просто нашла свою независимость, нашла себя как женщину, и вдруг появился человек, которого я хотела, в котором нуждалась. Который мне очень нравился.

И это пугало меня больше, чем все остальное. Независимо от того, как далеко от него я бежала, как я пыталась оттолкнуть его или притворяться, что все не так, я не могла убежать от того, как крепко он засел в моем сердце, моей душе. Я не могла игнорировать тот факт, что я не была счастлива вдали от него.

Даже в Париже, где, я думаю, каждая девушка мечтает побывать, было пусто и скучно без него.

Я почувствовала, будто что-то екнуло в моем сердце, какая-то часть моего сопротивления пала. Я наклонилась и поцеловала его, неистово прижимая свои губы к его, крошечной демонстрации моего отчаяния.

Он ответил именно так, как я нуждалась. Почувствовала, как его невероятно сильные руки подняли меня и понесли к кровати. Я была одета в штаны для йоги и футболку — моя удобная одежда. Он сжал своими длинными пальцами резинку моих штанов и трусов, снимая их, затем снял рубашку вместе со спортивным бюстгальтером. В считанные секунды я была перед ним полностью обнаженной.

Я почувствовала, как сквозь меня пульсировало желание, увлажняя складочки моей киски еще до того, как его рот опустился на нее. Долгое время он просто стоял и смотрел на меня так, как если бы он впервые увидел меня обнаженной. С тех пор он видел меня много раз, но необузданное восхищение на голое желание моего тела не рассеялось, не изменилось. Во всяком случае, он знал, какое удовольствие он сможет испытать, когда окажется внутри меня, что, казалось, еще более возбуждало пламя страсти в его глазах.

Я лежала на спине на кровати, обнаженная плоть извивалась в прохладном воздухе гостиничного номера, соски стали жесткими камешками под яростным взглядом Луки. Я ждала его, подняла колени и сжала руки, скрестив их на животе, тяжело огляделась и пристально смотрела на него. Губы Луки сложились в тонкую линию, руки сжались в карманах темно-синих джинс, его глаза сузились, а ноздри раздулись.

Я развернула колени в стороны, вначале лишь на дюйм, пальцы Луки были на джинсах в районе колен. Его голова откинулась назад, и он смотрел на меня сквозь опущенные ресницы, кончик его языка мелькнул в уголке его рта, а после — на нижней губе.

Я еще шире развела ноги в стороны, и влажные лепестки моей киски были открыты его взору. Мои пальцы потянулись к низу моего живота, остановились на моем холмике, а затем двинулись вниз к складочкам, вновь остановившись, но уже там, где прятался изнывающий от желания клитор.

Мой рот приоткрылся, дыхание сбилось, когда я коснулась одним пальцем киски и нашла пульсирующий, чувствительный бугорок. Подушечка среднего пальца скользила по клитору, и я не смогла сдержать стона.

Это было именно тем, чего я так жаждала.

Лука схватил меня за лодыжки и без усилий потянул вниз так, что моя задница оказалась на краю, а ноги на его плечах, когда он опустился на колени. Воротник его белой, с коротким рукавом на пуговицах, рубашки царапал мягкую шелковистую кожу внутренней стороны моих бедер, а его щетина была подобна наждачной бумаге напротив изгиба, где киска переходила в бедра. Его пальцы раздвинули мои половые губки, и его язык проник в меня, чтобы попробовать на вкус мои соки. Я слышала его хриплое от восторга дыхание, когда он на меня накинулся. Я вздрогнула, выгнув спину. Двумя пальцами он скользнул в меня, изогнув их к верху, чтобы найти с безупречной точностью участок гиперчувствительной кожи и ласкать его в такт с кружением языка.

Другая его рука скользнула вдоль моего тела, следуя изгибу бедра, мягкой линии ребер, и обхватила мою грудь, сжимая тяжелое полушиарие. Я застонала, когда грубый палец нашел мой сосок и бережно приласкал его, а потом всхлипнула, когда он ущипнул его.

Цвета взорвались под моими веками, кожа сжалась, а мышцы задрожали. Мой рот раскрылся в тихом крике, когда он слизнул соки вокруг моего клитора и провел языком прямо по нервным окончаниям. Его пальцы были внутри меня и на моем соске, от чего я кончала снова и снова.

Мне хотелось вновь почувствовать то, что он делал прежде, но я была слишком смущена, чтобы вымолвить хоть слово. Схватив руку, шаловливо касающуюся моей груди, я направила ее вниз, себе между ног. Я приподняла бедра, раздвинув колени еще шире, и коснулась нашими сплетенными пальцами своей киски. Лука не мешкал. Он коснулся пальцем моего лона, чтобы увлажнить пальцы, после чего прижал их к плотному кольцу мышц ануса. Инстинкт взвывал к сопротивлению, но я сделала над собой усилия и расслабилась. Его пальцы и рот по-прежнему играли моим клитором, и я ощутила, как во мне нарастала новая волна оргазма.

Его длинный средний палец, покрытый моими соками, медленно входил в меня, погружаясь дальше сантиметр за сантиметром. Я толкнулась навстречу ему, помогая войти глубже, и в ожидании затаила дыхание. Каждая мышца в моем теле сжалась, и все, что мне оставалось, лишь извиваться вокруг его пальцев.

— Я хочу тебя, всего, сейчас, — задыхаясь, пробормотала я.

Лука резко вытащил пальцы, я стала хныкать, чувство опустошенности разлилось во мне. Я наблюдала за тем, как он разделся, села и потянулась навстречу к нему, его член гордо возвышался, такой возбужденный, с четкими вздутыми венами, он пульсировал. Я обхватила его обеими руками, и прежде чем могла подумать о том, что делаю, инстинктивно прижалась к нему губами и взяла в рот, ощущив языком атласную кожу. Он словно был создан для меня, было приятно чувствовать его вкус, пока я нежно посасывала его, скользя вдоль него руками, так долго этого желая.

Он немного отодвинулся и забрался ко мне на кровать. Он стал целовать меня, медленно, постепенно углубляя поцелуй, словно пробовал меня на вкус, исследовал мой рот языком, а руками ласкал мое тело. Мы улеглись, наши тела были плотно сжаты, мы дрожали, руки и ноги — переплетены, мы слились воедино: наши языки, прикосновения, тепло.

Внезапно, Лука отстранился, с озорной улыбкой на губах. Он перевернул меня на живот. Думаю, что я знала, чего он хочет, я подогнула колени под себя, предоставив ему свою задницу.

— Возьми меня, Лука, — попросила я. — Именно в такой позе.

Он низко засмеялся.

— О, я сделаю это. Но, знаешь, ты была очень плохой девочкой, моя Делайла. Действительно, очень плохой. Я думаю, сначала тебя стоит наказать. И это идеальная позиция для этого.

— Наказать? — Страх отчетливо слышался в моем голосе. Что он собирался сделать?

— Да, думаю, тебя нужно отшлепать.

Я запаниковала. Мой отец шлепал меня, когда я была маленькой девочкой, руководствуясь библейским принципом «не жалей розги избалованному ребенку». Он использовал дюбеля из деревянной вешалки, тонкий стержень из дерева, который жалил, но не оставлял следов или повреждений более чем на несколько секунд. Я знаю, что, если кто-то будет читать это, он бы, наверное, назвал это жестоким обращением с детьми по сегодняшним меркам, но он любил меня и таким образом направлял меня на путь истинный.

Но слова Луки о порке подстегнули во мне ту же внезапную искорку страха. Я дернулась, пытаясь прикрыть задницу, но Лука удерживал мои бедра на месте.

— Что такое? Я не сделаю тебе больно, знай это. Только слегка шлепну. — Он мягко коснулся моей щеки своей ладонью, и я слегка расслабилась. — Наверное, тебя так наказывали в детстве? Это не то же самое. Я точно знаю, потому что меня тоже так наказывали. В наши дни родители бояться наказывать детей, но мы же как-то это пережили, правильно?

Я замерла, не двигаясь и не дыша и тем более не разговаривая. Я не знала, чего хочу. Мое возбуждение внезапно остыло, и часть меня хотела прижаться к Луке поближе и просто остаться в его объятиях. Но другая часть знала, что Лука никогда не сделает чего-то, что мне бы не понравилось, и, если я скажу, что мне не нравится, он остановится. И если честно, нежное похлопывание его ладони по моей попке, вроде как, было нормальным.

Все будет хорошо, так ведь? Я замерла, подавив порыв прикрыться и перевернуться на спину. Доверие — это непросто, правильно? Риск и ранимость — это не то, что появляется и исчезает само собой. Их приходится пережить. Я, правда, не из тех людей, которым нравится боль. Но ведь пока Лука еще ничего плохого мне ни разу не сделал...

Я кивнула, резко дернув головой вбок и вытягивая шею, чтобы видеть его. Он улыбнулся и мягко провел рукой по моему позвоночнику от плеч до бугорка копчика. Сначала он просто положил ладонь на мою правую ягодицу, затем начал поглаживать ее круговыми движениями. Я напряженно ждала. Другая рука Луки накрыла мою стопу, икру и бедро, врезаясь промеж моих ног. Палец коснулся моих половых губ, успевших высохнуть. Он погладил меня одним пальцем, потирая кожу попки другим. Губами он коснулся моего бедра, затем спины, а потом — да, он поцеловал мою попу горячим, влажным поцелуем. Я почувствовала, как между ног снова становится мокро, и в этот момент палец Луки проник внутрь — на длину всего одной фаланги для начала.

Я расслабилась; до меня, наконец, дошло, что он не собирается просто размахнуться и начать драть меня как Сидорову козу. Я почувствовала себя глупо — как я вообще могла сомневаться в его способности доставить мне удовольствие, даже когда я сама не знаю, чего хочу?

Я выгибалась чуть сильнее по мере того, как он погружал палец все глубже, одновременно описывая все большие круги по моей попе, меняя стороны, пока я не привыкла к его прикосновениям. И затем, без предупреждения, он отвел руку и звонко шлепнул меня по левой ягодице. Всю задницу словно обожгло; я вскрикнула и дернулась

вперед. Крик, однако, быстро перерос в стон, поскольку Лука потер пальцем мой клитор в тот самый момент, когда шлепнул меня, и затем приложил ладонь к месту шлепка, успокаивая покрасневшую кожу. Он перешел к другой стороне, снова описывая поначалу небольшие круги, постепенно расширяясь и вновь погружая пальцы в меня, исследуя ими стенки влагалища, массируя точку G, не ускоряясь, а лишь слегка касаясь ее так, чтобы я оставалась влажной и подрагивала от предвкушения.

Теперь я тяжело дышала в ожидании следующего шлепка. Когда он последовал, я снова вскрикнула, и вновь крик протеста перешел в стон наслаждения благодаря касанию пальца к клитору в момент удара. Его ладонь снова приласкала кожу и опять возобновила хаотические круговые поглаживания.

Следующий шлепок последовал быстрее и был не таким болезненным, а вот я изнывала от нарастающего пламени страсти. Теперь Лука ввел в меня уже два пальца, продолжая водить вокруг клитора, не касаясь его самого. Когда он ударил меня в третий раз, то коснулся его, будто бы случайно, и я почти кончила. Он успокоил кожу, вставая на колени рядом со мной, с одной рукой между моих бедер и другой — на моей попке. Моей ноги коснулся его вставший член.

Лука шлепнул меня снова, и на этот раз он ударил по обеим ягодицам, быстро чередуя стороны, одновременно пробегая пальцами по клитору в такт с каждым шлепком. Теперь я стонала практически непрерывно, и Лука начал шлепать меня чаще, то по одной ягодице, то по другой, не забывая касаться клитора с каждым жгучим ударом. Тянущая боль неожиданно начала меняться, поднимая волну возбуждения и сливаюсь с пламенем оргазма. Я подалась по направлению к его руке, к его пальцам на моем клиторе и ладони, шлепающей мои ягодицы.

Я снова кончила, экстаз прошел по всему телу, его волны накрывали меня с каждым ударом, с каждым сжатием моей мокрой сжимающейся киски. Я перенесла вес на локоть и потянулась назад, чтобы схватить член Луки. Я кончала, кончала и кончала, тяжело дыша, постанывая и двигая рукой вверх и вниз по всей длине его пениса, чувствуя влагу смазки под своей ладонью.

Я направила его член к себе, притягивая Луку ближе, и он, наконец, коснулся моих складок, пронзая бутон моей киски и глубоко погружаясь внутрь. Я не смогла удержаться, и его имя вырвалось у меня как раз в тот момент, когда он вонзился в меня. Лука двигался медленно, давая мне привыкнуть к своим размерам.

Его пальцы впились в мои бедра и притянули меня ближе. Я подалась вперед его движению, желая, чтобы он вошел как можно глубже, мечтая ощутить его сперму внутри. Он доставил мне столько удовольствия, и теперь я хотела отплатить сполна. Я упала грудью на кровать и вытянула руки вперед, оставив попку в воздухе, будто насаженная на его член.

Он склонился надо мной, его член покинул тугие оковы моей киски, а затем он снова вонзился в меня, его яички со шлепком ударились о мою кожу, воздух с трудом вырывался из его легких, и мое имя слетало с его губ.

Теперь он начал двигаться еще быстрее, входя в меня глубокими толчками.

— Кончи ради меня, Лука, — едва вымолвила я дрожащим голосом. — Кончи ради меня, что есть сил.

— О, Делайла, — простонал он и его движения стали более отчаянными, когда его член вонзился в меня снова и снова. — Я... о, да...

— О, боже, Лука, давай жестче, — умоляла я.

Я сама удивилась собственным словам, но как только он начал трахать меня еще жестче, вонзаясь с первобытной дикостью, эта мысль тотчас же вылетела у меня из головы. Я почувствовала, что его пенис стал еще больше и как он пульсировал глубоко в моей киске, когда он насаживал меня на себя, а его бедра резко шлепали по моим ягодицам в пылу яростных толчков. Когда он достиг оргазма, то с его губ слетело бранное слово, он согнулся надо мной, помедлил и глубоко вошел резким толчком. Его горячее

семя наполнило меня, и я почувствовала, как мои внутренние мышцы свело от напряжения, по животу побежали мурашки, соски затвердели, а вся кожа словно натянулась, по венам бурлила кровь, и я сжала одеяло в кулаках.

— Да, да, не останавливайся... — просила я его, чувствуя, как его семя изливалось в меня.

Я только начала ощущать прилив нового оргазма и не желала, чтобы он останавливался после того, как кончил. Его член внутри меня был все еще тверд, и Лука начал снова вколачиваться в меня, от чего меня накрыло волнами оргазма, которые набегали с каждым толчком его пениса.

Мои веки непроизвольно сомкнулись, когда я кончила, но Лука продолжал трахать меня, будто снова был на грани оргазма, но этого не могло произойти... Казалось, он был удивлен этим фактом также, как и я, затем он выпрямился, с трудом дыша. Я почувствовала, что его член внутри меня снова стал твердым, что произошло очень быстро, ведь он только что кончил. Я ощущала, как его сперма переполнила меня, но он продолжал вколачиваться в меня, снова и снова, и в его стонах очевидно проскальзывало удивление. Он остановился для того, чтобы перевернуть меня на спину, не вынимая члена из моей киски и, перекинув мою ногу себе через голову, положил ее на свое плечо, вторая же нога прижималась к его бедру.

Он обхватил рукой мое бедро и вонзился в меня, отбросив назад голову и закрыв глаза. Затем отпустил мое бедро, а я обхватила его талию ногами, притянула к себе и поцеловала, когда он опять кончил, трепеща в тисках моей киски, его бедра вколачивались в мои небольшими, но уверенными и сильными толчками, настолько отчаянно, что ни о каком ритме и речи не было.

— Fottimi... mio dio (ит. Давай... О боже) ... Делайла, — прошептал Лука, навалившись частично на меня, перекинув ногу поверх моего бедра, а частично рядом, — Что ты со мной сделала? Что это было?

Я могла лишь тряхнуть головой и попытаться восстановить дыхание.

— Не знаю. Чертовски впечатляюще, вот что это было.

Мы выбились из сил и заснули.

Я проснулась, полностью сбитая с толку, где находилась или что произошло, и тогда ощутила рядом горячее и мускулистое тело Луки, его тихое и равномерное дыхание эхом отражалось от стен гостиничного номера, погруженного в темноту. Шторы все также были открыты и сквозь окна можно было рассмотреть тени Парижа, укрытого ночной пеленой. Я не была уверена, когда пришел Лука, как долго мы занимались любовью, и как долго проспали.

Я выскользнула из постели и тихонько прошла через всю комнату за нетбуком, который заряжался от сети и находился в спящем режиме на столе возле окна. Я нажала на кнопку пробела и вывела его в рабочий режим, на часах было четыре утра.

Я дописала предыдущую запись, позволив излиться накопившимся и захватившим меня за пять дней эмоциям.

Теперь я сидела и наблюдала, как темный мрак ночи постепенно переходил в утренние серые сумерки, купая тело Луки в лучах восходящего солнца. Простыня укрывала только одну его ногу, поэтому всеобщему обозрению представали его живот, такой накачанный и покрытый порослью волос, член, в расслабленном состоянии возлежащий на бедре, и его яички, свисающие в одну сторону. Во сне у него был слегка приоткрыт рот, на лоб и глаза ниспадали непослушные пряди угольно-черных волос, а одну руку он положил под щеку.

Наблюдая за тем, как он спал, меня опять пронзило острой болью привязанности к нему, и меня поразило, насколько он был красив и великолепен.

Мои пальцы отчаянно хотели написать предложение из десяти букв, что было бы простым подтверждением того, что я чувствовала, но я... пока еще не была готова к этому. Было еще рано.

Он пошевелился, ощущая, что меня не было рядом с ним в постели.

Я нажму кнопку «Сохранить» и опять залезу к нему в кровать, стану ласкать его член, пока тот не затвердеет. И введу его к себе в киску, когда мы будем лежать рядом друг с другом, и разбужу его, прижавшись телом. Его руки сомкнутся вокруг меня и убаюкают — одна рука обхватит грудь, другая опустится на киску, его пенис будет уже внутри, а дыхание будет опалять мою шею. Лука начнет двигаться и со стоном произнесет мое имя, еще даже полностью не проснувшись, и затем я почувствую, как его губы изогнутся в улыбке у моего затылка, и он еще сильнее стиснет меня в объятиях. Он будет двигаться в решительном ритме, а затем, возможно, укусит меня за плечо и начнет пальцем поглаживать мой клитор и ласкать сосок, и все это время будет вколачиваться в меня, и мы вместе достигнем вершины наслаждения в розово-сером зареве восходящего солнца, вместе ощутим оргазм от медленного, душевного зарождения взаимной любви.

Любовь.

Именно этого слова я так боялась.

Всего из шести букв: Л-Ю-Б-О-В-Ь.

Другие члены предложения я тоже могла написать, в любом порядке: я, его.

Для меня это не было загадкой. Я просто не могла признать это, даже в письменном виде, поскольку слишком боялась, что меня лишат этого чувства, что это всего лишь мечта, что он передумал, что случится нечто ужасное.

Можно попробовать по-итальянски — Io lo amo.

Все равно страшно.

Никоим образом я не скажу ему этого, ни на каком из языков. Еще рано. Если он скажет первый, то у меня снесет крышу.

Боже, помоги. Я не знала, верила ли все еще в Бога, но, если он существовал, парил над нами и заботился, Боже, просто... помоги пройти через все это. Каким-то образом.

Он опять пошевелился в постели. Пришло время идти.

ГЛАВА 2

22 Июня

Черт возьми, все пошло не так, как планировалось.

Он скоро собирался выйти за завтраком для нас, так что у меня было мало времени.

Все сейчас начнется именно так, как я и думала, и что описывала выше. Я забралась в постель, взяла в руку его покоящийся член и нежно погладила его круговым движением большого пальца, лаская головку. Он начал увеличиваться благодаря этим ласкам, но недостаточно быстро, как по мне, поэтому я легла на кровать и резко взяла его в рот. Лука застонал во сне, когда я лизнула головку его члена, массируя яички, пока они не сжались, осторожно касаясь зубами. Наконец, он был полностью возбужден, и я начала становиться влажной от предвкушения.

Я повернулась спиной, ввела член Луки себе в киску, взяла его руку в свою и прижала ладонь к своей налитой груди. Я прижалась к нему бедрами, а его член инстинктивно вошел в меня.

Я почувствовала, как его дыхание стало неровным, а пальцы напряглись. Он потянулся, и его член почти вышел из меня, а затем выгнул спину и вошел в мою киску.

— Что ж, доброе утро, — сказал Лука с улыбкой в голосе.

— Я проснулась и снова хотела тебя, так что...

— Ты можешь будить меня так в любое время, — сказал он, сжимая мою грудь и проникая в меня глубже.

Мы двигались вместе, словно ехали в tandemе, его рука извивалась подо мной, готовая ущипнуть мой сосок, а другая рука, скользнув вниз, коснулась моего холмика.

Пока все шло, как планировалось.

Тут он потянулся к тумбочке и достал маленькую бутылочку лубриканта.

— Где ты ее взял? — спросила я.

— Ты не единственный человек, который просыпается ночью и занимается разными таинственными вещами, знаешь ли.

— Ты встал и купил смазку?

— Я ее не покупал. Я привез ее с собой. Просто достал из машины.

Мы все так же двигались вместе, но ни один из нас еще не приближался к оргазму. Лука вынул из меня пальцы, скользнул ими к моей попке, и я почувствовала, как он щедро смазывает тугой сфинктер возбуждающе-холодной жидкостью. Это ощущение уже было мне знакомо, и оно нравилось мне. Я прекрасно знаю, что это говорит обо мне, и мне плевать. Это приятно, а Лука осторожен.

Его палец скользнул в меня легче, чем когда-либо, благодаря смазке. Головка его члена задевала вход в мою киску, и я хотела ощутить его снова, внутри себя, но он не делал этого, его палец был полностью во мне, удерживая меня на месте. Я могла только извиваться, насаженная на его средний палец.

А потом его рука скользнула к другой дырочке. Так чертовски медленно. Время остановилось. Все, что я воспринимала, это то, что его пальцы были внутри меня, осторожно шевелились, двигались, растягивая меня. Другой рукой он обхватил мою талию, замер у моего живота и опустился к моей киске, скользнул внутрь и коснулся клитора, слегка нажал на него, лаская и кружка вокруг него.

Я истекала соками, во мне разгорелся пожар, и то, как он растягивал не совсем и безболезненно мою попку двумя, тремя или сколько их там было теперь?.. пальцами, стало менее болезненным и более приятным. Он начал двигать ими вперед и назад, а его рука у моей киски исчезла, еще больше смазки появилось на его пальцах и что-то еще, что-то более длинное и твердое, но в то же время мягкое, оказалось возле моей промежности.

Я извивалась в беззащитном забвении. Его пальцы были во мне, я не знала, сколько их было, не могла сосчитать или ощутить разницу, но знала, что они меня растягивали и наполняли, позволяли приспособиться и привыкнуть.

О боже, о Господи, от нахлынувшей волны воспоминаний я задрожала, а моя попка пульсировала, пока я сидела на кровати и печатала все это.

Лука заполнил меня, стимулировал, растягивал, входил и выходил из меня, его пальцы снова оказались в моей киске и круговыми движениями начали подводить, погружать и подталкивать к оргазму. Затем я ощутила, что он вынул пальцы, и холодная смазка проникла в мою дырочку, позволяя чему-то огромному заполнить меня вместо его пальцев.

Впервые в нашей сексуальной жизни я ощутила страх, что не смогу вынести то, что он предлагал мне. Я открыла рот в немом крике и из моего пересохшего горла вырвался мягкий и едва слышимый стон. Мои пальцы отчаянно вцепились в кровать.

Я все еще лежала на боку с приподнятыми к животу коленями, где одна нога была слегка поджата. Лука быстро и ловко поставил меня на колени, а сам встал за мною. Я не знала, какая часть его мужского достоинства была во мне, но мне этого было достаточно, даже слишком.

— С тобой все в порядке, mia bella (итал. моя красавица)? Все нормально? — Голос Луки был нежным и ласковым.

Я не была полностью в этом уверена, но не хотела, чтобы он выходил из меня. Только лишь эта мысль была у меня в голове, поэтому я кивнула, не в силах произнести ни слова. Он проник еще глубже, медленно и осторожно. Его пальцы впились мне в бедра, больше для того чтобы сдерживать самого себя, чем воодушевлять меня. Я почувствовала в прикосновении его пальцев к моим бедрам, как дрожало его тело, это было напряжение от сдерживания. Ему хотелось жестко вонзиться в меня, глубоко проникнуть, но он не позволял себе этого.

Еще чуть глубже. О боже, я была так наполнена. Снова меня окатило волной паники, что это слишком для меня, что я могу расколоться на две половины от его присутствия во мне. Но затем он слегка вышел из меня, и небольшие волны приближающегося оргазма внезапно начали накрывать меня, когда его член мучительно медленно стал выходить из меня.

Я застонала; Лука зарычал, его тело напряглось, и по нему пробежала дрожь. Он опять вонзился в меня, несмелым, жаждущим движением, и все мое тело содрогнулось от оргазма, такого мощного, что его отголоски достигли самых удаленных уголков моего тела. Я ощутила волны оргазма в зубах, на голове, в кончиках пальцев рук и ног, в животе, а его искры засияли перед моим взором. Лука зарычал, и этот рык долго и протяжно зазвучал в его груди. И еще сильнее впился пальцами в мои бедра, когда он еще раз вышел и вонзился в меня.

Он установил свой собственный ритм — медленный и размеренный, и я достигала пика от каждого движения.

Но нет, это не было похоже на оргазм после каждого толчка, это было всего лишь начало вхождения в nirvanу.

О господи.

Когда меня накрыло волнами настоящего оргазма, то я чуть не разлетелась вдребезги. Я ощущала его каждой клеточкой своего тела, словно меня сбил товарный поезд.

Теперь член Луки двигался во мне с нарастающей настойчивостью, и все еще с каждым проникновением, с каждым толчком я чувствовала резкий скачок истинного накала страсти, волна за волной поднимала меня наверх до самого пика, пока подниматься выше уже было невозможно.

Но даже это можно было превзойти.

Когда изначально он начал двигаться в моей плотно сжатой заднице, я и предположить не могла, что он вообще сможет свободно там двигаться, что я смогу его вбрать. Но теперь, каким-то непонятным образом, Лука вколачивался в меня, а я двигалась ему навстречу с такой же дикостью, закусив зубами одеяло, чтобы они не раскрошились друг о друга, вцепившись в него пальцами, а мои бедра двигались в собственном ритме.

Я почувствовала, как его член стал наливаться, становиться еще больше и как он пульсировал глубоко внутри, его яички напряглись, когда бились о мою киску, и тогда Лука кончил и зарычал, сцепив зубы и вонзаясь в меня один, второй и третий раз; во время третьего почти свирепого толчка я тоже кончила.

«Кончить» — совсем не подходящее слово, чтобы описать то, что я испытала. И я не была уверена в том, что вообще в любом человеческом языке оно было. Моя вселенная взорвалась, разбилась вдребезги, обрушилась, расплавилась. Перед глазами появились звездочки, а все тело застыло и содрогнулось, эндорфины заполонили мой мозг и кипящую кровь.

Это длилось вечность.

Я раньше использовала фразу «муки экстаза», но в этом случае так было на самом деле. Это было нечто за пределами экстаза, где не было границ между удовольствием и болью.

Когда все закончилось, Лука вышел из меня очень медленно, казалось, даже более бережно, чем когда входил, и я почувствовала, как мои мышцы продолжали сжиматься. Мое тело обмякло, я была обессилена и все еще содрогалась в прекрасном облаке ощущений, некоторые из которых были мощнее, чем испытанные мною оргазмы.

Лука лежал рядом, я повернулась к нему, обвила шею руками, уткнувшись лицом ему в грудь. Кажется, я собиралась заплакать.

— Ты в порядке? — Кажется, он почувствовал слезы на моей щеке; его голос был встревожен. — Я сделал тебе больно?

Я потрясла головой и повернула лицо к нему.

— Нет, вовсе нет. Просто это было... запредельно...

— То есть, хорошо? С тобой все нормально?

— Мне не больно. Это было здорово. Больше, чем здорово. — Я поцеловала его в челюсть. — Просто это было так сильно. Я не уверена, что способна на это часто. Было практически на пределе, меня практически захлестнуло.

Лука кивнул и погладил мои волосы.

— Я тоже не уверен, что способен часто это делать.

— Почему?

— Нужно сдерживаться, чтобы не сделать тебе больно, но при этом так отчаянно желая тебя... для таких действий нужна настоящая выдержка, настоящий контроль над собой. Понимаешь? Так что, когда мне, наконец, удалось выпустить пар, то держать его внутри так долго оказалось еще лучше. — Он поцеловал меня в щеку, затем в губы. — А у тебя как-то получается заставлять меня терять контроль. Ты заставляешь меня терять самообладание. Ты... так красива, так прекрасна, и я так тебя хочу, постоянно. Я просто не могу ничего с собой поделать.

Слезы выступили у меня на глазах при его словах, сказанных столь спокойно. Я уже была на пике эмоций из-за страсти нашей связи, из-за вулканической силы собственного оргазма, и теперь все это увенчалось такими приятными словами, сказанными так, будто это было очевидно... Я не сдержалась и всхлипнула.

— О, моя дорогая Делайла. Почему ты плачешь?

Я не знала, как сказать ему это, и расплакалась слишком сильно, чтобы ответить. Он держал меня, пока я рыдала, не спрашивая больше ни о чем, просто держал и стирал все новые слезы с моих щек.

Когда я снова смогла говорить, я ответила:

— Дело в тебе. В том, как ты ко мне относишься, в том, что ты мне говоришь.

— Что-то не так? В том, что я говорю и как к тебе отношусь? — Судя по голосу, Лука был озадачен.

Я рассмеялась.

— Нет, милый, ни в коем случае. Разве ты не знаешь, что женщины иногда плачут от счастья? — Я шмыгнула носом и потерлась щекой о его щетину. — Ты хорошо ко мне относишься. Ты говоришь такие вещи, услышав которые я чувствую... что обо мне заботятся.

— И от этого ты плачешь? Кажется, я озадачен.

— Потому что никто никогда так ко мне не относился. Никто не говорил мне таких слов. — Я откинула прядь своих волос с его лица. — Это слишком сильно. Настолько, что даже пугает. Нечто совершенно иное. Когда ты проводишь всю жизнь, ощущая, будто ты неполноценна, недостаточно хороша, недостаточно стройна, недостаточно красива, — принять то, что кто-то думает о тебе иначе, становится очень сложно. Даже если это приятное мнение.

— А, вот теперь я понял. — Лука приподнялся на локте и погладил меня другой рукой, но это прикосновение было не сексуальным, а нежным и внимательным. — Думаю, ты не всегда знаешь себе цену. Ты не такая худая, какой, видимо, должна быть идеальная американская женщина.

Я нахмурилась и уже приготовилась высказаться, но он жестом прервал меня.

— Нет, пожалуйста, послушай. Ты мне нравишься такой, какая ты есть. Я говорю «нравишься», потому как думаю, что другое слово заставит тебя волноваться, но это правда. Ты не стала бы нравиться мне еще больше, если бы была худой, как палка. У тебя есть изгибы, настоящее тело, за которое можно взяться. И, пожалуйста, не забывай, что я не американец. Я итальянец, и у нас другие идеалы красоты. И ты, любимая, мой идеал.

Я растаяла. А кто бы не растаял? Я его идеал красоты? Судя по всему, он видит во мне что-то, чего не вижу я.

Когда мы оба уже почти провалились в сон, до меня дошло, что я назвала его «милый».

Кажется, я знаю, почему люди говорят «потерять голову от любви».

Я всегда ненавидела это выражение. Я никогда его по-настоящему не понимала. Любовь — это выбор. Что-то, над чем ты работаешь. То есть, — да, я понимаю, что ты не всегда можешь выбрать, в кого влюбляешься, что ты не контролируешь это чувство. Но само словосочетание «потерять голову»... Почему именно оно? Почему «терять»? Оно напоминает мне о беспомощности, полной неспособности остановить ход вещей. Когда ты теряешь голову, то уже не чувствуешь, что твердо стоишь на ногах, теряешь равновесие и словно падаешь в открытый космос.

Когда я думаю о слове «терять», то перед моими глазами встает картина шляпки, слетающей с твоей головы, когда ты стоишь на вершине небоскреба. На этой вершине нет ни перил, ни стен, лишь головокружительная высота, с которой люди выглядят как муравьи, а машины похожи на игрушечные. Земля осталась в сотнях метров внизу, и ветер бьется о ладони, срывая головной убор, и ты не можешь схватить его и падаешь вслед. От воздуха в лицо на глазах выступают слезы, и у тебя возникает последняя мысль: «Вот и все, я умираю».

С Лукой все именно так. Неминуемо. Я уже чувствую, как это происходит, и не могу это остановить. Однако в отличие от чувства падения с небоскреба, я не уверена, хочу ли этого. Терять контроль страшно. Меня пугает возможность стать уязвимой.

Хорошо бы у человека была возможность выбрать, терять ли ему от любви голову. Или вообще ничего не терять, а скорее что-нибудь находить в этой любви. Жить в любви. Существовать в ней, ничего не теряя.

Однако, если не терять голову, не испытывать этого головокружения, отсутствие контроля и уязвимости, то будет ли любовь такой приятной? Будет ли она столь

наполняющей и изменяющей твою жизнь? Если бы можно было выбрать влюбленность и контролировать ее, было бы это чувство столь мощным и пронзительным?

Думаю, Лука наверняка сказал бы, что нет.

Я не знала, как сказать ему это, и расплакалась слишком сильно, чтобы ответить. Он держал меня, пока я рыдала, не спрашивая больше ни о чем, просто держал и стирал все новые слезы с моих щек.

ГЛАВА 3

25 июня

Последние несколько дней мы провели в туре по Европе с Лукой в качестве гида. Мы были в Париже, и он оказался ярким, очаровательным и точно таким же романтическим, как в фильмах. Лука свозил меня в Лондон и Дублин. В каждом из этих мест мы провели совсем немного времени, чтобы только взглянуть на достопримечательности и сказать всем, что мы там были. Еще Лука показал мне места, не входящие в обычный маршрут туристов, например, Беларусь, Украину и Мальту. Он продавал вино, мы занимались любовью.

Мне становилось с ним все более уютно, я все больше привыкала к его любящему взгляду, когда он смотрел на мое тело, пока я переодевалась, принимала душ или просто лежала голышом в кровати, печатая что-то после секса. Его внимание становилось все более привычным, но никогда не теряло своей силы поражать меня.

Как и он сам.

Только послушайте меня. Звучит так, будто прошли десятилетия, а не дни.

Сейчас мы возвращаемся в Италию. Лука ведет машину, радио выключено, а я печатаю, поставив нетбук на колени («И как ты только печатаешь на этой малюсенькой штуковине» — спрашивал меня Лука, «особенно в машине? У тебя не болит голова?» Ну, видимо, нет). Рука Луки лежит на моем колене — знакомое прикосновение заставляет сердце приятно трепетать.

Через несколько часов мы будем в Фиренце, и я понятия не имела, что случится, когда мы доберемся туда. Уверена, мне придется кое-что объяснять.

Я еду домой? Теперь Фиренца мой дом? Или же все-таки мой дом в штатах? Нет, тот дом я отдала Гарри при разводе, также как и мою машину, мою часть акций, 401 тысячу наличными, имущество, нажитое в браке... все. Значит, теперь мой дом — это дом моих родителей? Нет, там я не жила с девятнадцати лет. Конечно, это не жилье Леи и Майка. Если они все еще не расстались. Уверена, моя маленькая истерика с воплями пролила свет на кое-какие секреты.

Итак... где же мой дом?

Нигде.

Фиренза?

Любой отель, в котором я останавливаюсь?

Объятья Луки.

Черт.

ГЛАВА 4

27 Июня

Бабушка Луки посетила нас, когда мы приехали. Что за женщина! Будучи на девятом десятке, она была подвижной, прекрасно соображала и видела. Копна черных волос с проблесками седины давала неверное представление о ее возрасте.

— Лука, где ты был? — настойчиво спросила она на беглом английском с акцентом, когда мы вышли во внутренний двор. — Почему ты оставил свою бедную стареньку бабушку размышлять здесь над тем, куда ты делся? Иди, иди сюда, мой мальчик, поцелуй свою бабулю.

Лука широко улыбнулся, глядя на меня, обнимая свою бабушку и целуя ее в щеку.

— Я был в деловой поездке, Нонна. Более того, я не знал, что ты собираешься приехать, правда? Я разве экстрасенс? Думаю, нет. Тебе нужно было позвонить мне, если ты хотела, чтобы я был на месте, когда ты приедешь. Ты же знаешь, я часто уезжаю. Он подмигнул мне.

— Тебе нужно более уважительно относиться к своей бабушке, мальчик. Конечно, ты не экстрасенс. Им могу быть только я. Если бы ты умел читать мысли, ты бы представил меня этой милой девушке, которую держишь под руку.

Я протянула ей свою руку. Она взяла ее, как будто собираясь пожать, сжала ее сильно и притянула меня к себе в объятия.

— Я Нонна Мария. — У нее были добрые глубокие черные глаза, которые буравили меня насквозь. — Но ты можешь звать меня Нонна, я думаю. Мой мальчик Лука хороший, правда?

Я поцеловала ее в щеку, как она ожидала.

— Да, он — лучший. Я Делайла.

— Делайла, да? Звучит как название цветка. Ты милая, как цветок. Намного симпатичнее, чем та потаскуха с вечно кислой миной, на которой он был женат. Грязная шлюха, — добавила она по-итальянски.

— Нонна! — сказал Лука в шоке, а в его глазах читалась едва заметная боль. — Не говори так. Это не вежливо. Я знаю, что она не нравилась тебе, но ты не должна...

— О, не говори мне, чего я не должна делать, сынок. Мне восемьдесят три года. У меня есть право говорить как и то, что я хочу.

— Ты права, Нонна, но хотя бы уважай мои пожелания и не говори в таком тоне о...

— О ком? О тупой девчонке, которая никогда не была достойна моего любимого внука? Нет, она это заслуживает, и даже большего, путана. Она никогда не была достаточно хороша для тебя. Я сказала это в нашу самую первую встречу. Она потом оставила тебя в таком ужасном состоянии. И украла все, что у тебя было. Но я не должна плохо говорить о ней? После того, как она так обошлась с тобой? После всего, что ты сделал для нее? После того, как ты заботился о ее сыне? Как ты ее любил? — Нонна Мария пригрозила Луке пальцем. — Я буду говорить то, что думаю, а ты будешь слушать. Эта девочка достойна тебя? Она милая, это правда. Но достойна ли?

Лука взял руки бабушки в свои, посмотрел ей в глаза и тихо проговорил:

— Она более чем достойна. Она... все для меня.

Нонна кивнула, ее глаза сузились, в то время как она переводила свой взгляд с меня на Луку и обратно.

— И ты любишь ее?

Лука перевел взгляд с меня на бабушку. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Да, люблю.

Я запаниковала. Я не слышала ничего кроме крови, стучавшей в моих ушах, и я чувствовала такой же жар в животе, какой был, когда я обнаружила Гарри с Хелен. Я отступила назад, но почувствовала, как пальцы сжимают мое запястье.

— Посмотри на меня, дитя. — Глаза Нонны впились в мои. — Любви не нужно бояться. Особенно когда это Лука, тот, кто дарит тебе свою любовь. Я думаю, твой страх неуместен. Если ты хочешь полюбить его, тебе нужно забыть прошлое. Только ты сама можешь сделать это, моя дорогая. Тебе нужно уехать, к морю, может быть. И тебе нужно смыть все страхи и всю боль, что были в твоей истории.

— Нонна, зачем ты ей это все говоришь? Она не нуждается в абсурдных сказках старой женщины, — Лука выглядел раздраженным.

Его бабушка с силой хлопнула его по затылку.

— Не будь дураком. Это не сказки, глупый мальчик. Это — мудрость старой женщины, которой много раз разбивали сердце. Я знаю этот взгляд. Она боится полюбить. Она боится боли. — Она смотрела на меня, ослабляя хватку на моем запястье, держа мою руку скорее с нежностью, чем с силой. — Тебе не нужны горячие источники, или особенное место, или спасительная молитва. Тебе лишь нужно некоторое время побыть в одиночестве, чтобы определиться, что ты на самом деле хочешь. Если тебе хочется бежать, едва ты просто слышишь слово «любовь», тогда твои страхи глубже, чем кажутся. Я знаю, каково это. У меня были такие же страхи. Его дед не был первым мужчиной в моей жизни, которого я полюбила, но последним, и мне было очень тяжело учиться любить его. Свою историю, может быть, я расскажу потом. Но ты не можешь любить, если не уверена, что действительно этого хочешь. А ты не уверена.

— Нонна, ты...

— Лука, нет. Она права, — перебила его я. — Ты знаешь, что она права.

Лука кивнул.

— Я знаю, знаю, но мы просто... ты...

— Все будет хорошо, Лука. — Я положила руку ему на предплечье. — Я не убегу, обещаю.

— И ты пока никуда не уходишь, — сказала мама Луки Доменика, выходя из кухни.

— Время ужина. Все остальные скоро приедут, я думаю. Они все хотят с тобой познакомиться.

Она обняла меня, как будто я была ее дочерью. Этот простой жест заставил мои глаза гореть, а мое горло — сжиматься. Моя собственная мать перестала обнимать меня, когда я стала подростком. Когда мы виделись, будучи уже взрослыми, объятия выглядели как неуклюжее постукивание по спине на расстоянии в несколько шагов между нами. Но объятия Доменики были совершенно другими. Они были теплыми, успокаивающими, знакомыми, будто она постоянно обнимала меня. Было бы слишком пафосно и не совсем верно говорить, что все мои опасения и страхи растворились, когда она обняла меня, но я чувствовала себя намного лучше.

Лука взял меня за руку и повел в кухню, которая теперь по ощущениям была для меня более родной, чем когда-либо моя собственная. Я села за большой старинный отполированный деревянный массив, который представлял собой кухонный стол, и завела разговор с Нонной, Доменикой и Лукой, пока кофе процеживался на плите. Я услышала голоса с улицы, это были Элизабетта и Лючия, сестры Луки, со своими мужьями — Филиппо и Клаудио. Позади них шли Жулиана и Марта, его невестки, со своими мужьями — братьями Луки — Лоренцо и Никколо. В разговоры взрослых вклинивался детский лепет и смех, у четырех пар было одиннадцать детей.

Я испытала панику, услышав все эти голоса, думая о всех этих людях и о том, что нужно помнить их имена. В этой семье, даже не учитывая тетей и дядей со стороны Доменики и Данте, было больше людей, чем я знала, когда жила в Штатах. Я знала людей, конечно, поэтому это заявление не было до конца правдой. Точнее будет сказать, наверное, что я была знакома с большей частью жителей городка, я знала большинство из них в лицо и по имени. Но родственники Луки были теми людьми, с которыми я проводила время. Я знала о них больше, чем имена и лица. Я делила с ними хлеб и пила

вино, укачивала детей и мыла посуду. Если наши отношения с Лукой зайдут дальше, они станут моей... семьей.

Ужас горел внутри меня, подогревая мой инстинкт самосохранения: бежать, бежать, бежать.

Руки Луки опустились мне на плечи, нежно массажируя их. Его бакенбарды задели мое ухо, и мягким хриплым голосом он произнес:

— Расслабься, любовь моя. Не волнуйся. Все будет хорошо. Дыши и успокойся.

Я удивилась, как он узнал, о чем я думала. Неужели паника была написана на моем лице? Я повернулась к нему, наши губы соприкоснулись. Он поцеловал меня, легко и быстро, как бы в знак убеждения.

— Как ты узнал? — спросила я.

Лука рассмеялся и указал на мои руки: я взяла вилку и практически согнула ее пополам. Я отпустила вилку, и она стукнулась о стол, а мои пальцы внезапно задрожали. Лука разжал их без особых усилий и взял мою руку в свою, переплетая наши пальцы.

Лючия вошла в кухню первая, в районе своего бедра она держала мальчика лет двух.

— Делайла, ты вернулась! — Она поставила ребенка на ноги, и он тут же неуверенно поковылял к Доменике и дернул ее за фартук, чтобы та взяла его на руки. — Ты так внезапно уехала, мы все за тебя волновались.

Лука недовольно посмотрел на сестру, едва заметно качая головой. Я сжала руку Луки.

— Я знаю, Лючия, и я прошу прощения за то, что заставила вас волноваться. Я просто... У меня иногда возникают некоторые проблемы. Беспокоиться не о чем.

Лючия сняла кофейник с плиты, достала полдюжины чашек за ручки из шкафа и налила всем кофе, прежде чем засыпать в кофейник новые зерна и залить воды. Казалось, что эта семья пьет кофе в любое время.

Лючия села рядом со мной напротив Луки.

— Знаешь, если мы собираемся породниться, тебе стоит быть со мной откровенной.

— Лючия, — сказал Лука, — не будь такой...

— Все в порядке, Лука, — перебила его я. — Она права.

Лука проворчал себе под нос что-то по-итальянски о том, что его постоянно перебивают женщины, но сохранил молчание.

— Правда в том, что я не до конца уверена, что происходит между мной и Лукой. Все сложно.

— Сложности — часть нашей жизни, я считаю, — сказала Лючия и отпила свой кофе. — Это не повод убегать от мужчины, который любит тебя.

Я подавила вспышку раздражения. Она была права, как и обычно были правы все женщины в семье Луки.

— Ты не знаешь ничего о моих проблемах, Лючия, — сказала я, стараясь сохранять монотонный голос. — Я не могу просто... — я замолчала, будучи не уверенной, чего я не могла просто.

Лючия помахала передо мной своей чашкой, отвлекая меня от своих мыслей.

— Чушь! Я не думаю, что все настолько сложно, насколько ты пытаешься это выставить. Страх и сложности — не одно и то же, знаешь ли, — она наклонилась ко мне и положила свою руку на мою. — Ты мне нравишься, поэтому я буду с тобой честна. Я думаю, что твоя жизнь не такая сложная, и у тебя не так много проблем, как ты пытаешься нам показать. Ты лишь боишься признать, что тебя в прошлом предавали. Я понимаю это, и не пытаюсь приуменьшить твои страхи. Но ты должна быть храброй, чтобы разрушить их и жить счастливо с мужчиной, который любит тебя. Которым будет Лука, если ты еще не поняла.

Я кивнула.

— Я думаю, ты права. Но... это не так просто сделать, как сказать.

— Правда, это правда. Я не сказала, что это просто сделать, а лишь то, что это — правильно. — Лючия, казалось, была удовлетворена своей речью.

Она забрала сына из рук его бабушки и поставила его на пол.

— Если его постоянно носить, мама, он никогда не научится ходить как взрослый.

Доменика ответила что-то по-итальянски, слишком быстро, но я успела разобрать: речь шла о том, что у нее, как у бабушки, есть право баловать своих внуков. Лючия лишь закатила глаза и последовала за своим сыном в сад, откуда шумным хором доносился радостный детский смех.

Шумный ужин продолжался до самой ночи. Дети заснули на руках у родителей, их переложили в свободные кровати, а взрослые продолжали выпивать и разговаривать.

Когда я в последний раз смотрела на часы, время было около двух часов ночи, а я была совершенно приятно опьянена великолепным вином. Я чувствовала себя в безопасности, защищенной и спокойной. Я могла быть самой собой, мне не нужно было переживать о том, что мне еще возвращаться в отель, или о том, что ко мне кто-то пристанет, или о том, что кто-то осудит меня.

Лука отвел меня наверх в ту же спальню, где я была раньше, окна которой выходили во двор. Спотыкаясь, я преодолела лестницу, поддерживаемая сильными руками Луки, после чего почувствовала, как меня уронили на кровать, запах вина ударил мне в лицо, когда он наклонился поцеловать меня. Его губы встретились с моими, он залез на меня, заставляя меня понять, что он был таким же пьяным, как и я. Я улыбнулась, целуя его, нашупала в районе талии низ его рубашки и стянула ее.

Мы неловко шарили по одежде друг друга, хихикая над собственной неуклюжестью, пропуская пуговицы и падая в попытках стянуть белье с бедер. Лука упрямо пытался расстегнуть мне лифчик, но в итоге сдался и убрал руки.

— У меня не получается, любимая, — оправдывался он, небрежно целуя мою спину.

— Я не понимаю, сколько там должно быть крючков и петель.

Мне удалось выбраться из бюстгальтера, и вот мы оба обнажились. Лука потянул за цепочку, чтобы выключить свет, и единственным источником света осталась полная луна, чьи лучи проникали сквозь открытое окно.

Мы с Лукой легли на кровать лицом к лицу. Его рука покоилась на моей талии, чуть выше холма бедра. Его губы коснулись моего плеча и затем — руки, чуть выше локтя. Его пальцы сплелись с моими, и он завел мою руку за голову, опускаясь ртом к возвышениям груди, лаская упругий сосок. Я прошептала его имя, перекатилась на спину и погрузила пальцы в его волосы, пока он оказывал почтение сперва одной груди, а затем другой.

Я почувствовала, как его палец спустился мимо моего пупка по направлению к киске.

— Да, Лука, коснись меня. — Я раздвинула ноги.

Он улыбнулся, не отрываясь от моего соска, и скользнул пальцем в мое влажное, узкое, горячее лено. Я изогнулась и прикрыла глаза; внутри меня все ликовало от его прикосновений. Потянувшись, я обхватила горячий, твердый, шелковистый член Луки, и услышала, как он застонал в такт движениям моей руки.

Легко толкнув Луку в плечо и заставив его перекатиться на спину, я скользнула вниз по его телу и прижалась щекой к его животу. Затем я взяла его член в рот, решив пока не трогать его руками, а двигать только губами и языком по соленому, нежному стволу.

Мир завертелся вокруг меня, кровать словно всколыхнулась, и я закрыла глаза, чтобы отстраниться от всего, кроме вкуса его кожи, острого аромата его смазки, его огромного, толстого члена, подрагивающего в моих руках, и жара его тела, который я ощущала собственной кожей. Почувствовав, как Лука трется щетиной о мое бедро, я воодушевилась и одновременно растрогалась. Его пенис все еще был у меня во рту и в моих руках, когда я почувствовала, как он аккуратно приподнимает мою ногу и опускает на свое крепкое плечо, а в мою киску проникает нечто теплое и влажное. Его язык, он лизал ее, пока я делала ему минет.

О боже. Не может быть. Для этого есть какой-то термин, довольно странный, с двумя цифрами, но я не смогла его вспомнить, хотя это было неважно. Все, что имело значение, — это то, что ощущения были невероятные. Углы расположения наших тел были несколько неловкими, но я не придавала этому значения. Он был одновременно у меня во рту и в киске, словно мы очутились в бесконечном кругу удовольствия. В моем затуманенном страстью мозгу всплыло слово «уроборос», змей или дракон, пожирающий собственный хвост, символ бесконечности или цикличности.

Оказывается, мое пьяное сознание не смогло вспомнить термин «шестьдесят девять», но умудрилось выдать определение урорбоса.

Этим мы и были — самовозобновляющимся кругом удовольствия и любви. Мы одновременно отделились друг от друга, и я поднялась по распростертому телу Луки, облокотившись на его грудь и собственный локоть. Бедра приподнялись, и я насыла на него, позволяя проникнуть внутрь одним легким движением. На этот раз не было никакого постепенного погружения, лишь полное, глубокое, мгновенное проникновение, сладостный отказ от сопротивления со стороны моего тела.

Его руки вдавили мои бедра в свои, снова приподняли их и вновь вдавили. Он нашел мои губы своими в тот момент, когда мы оба достигли пика. На этот раз не было ни стонов, ни криков, лишь шепот, вздохи и имена друг друга на выдохе в момент умопомрачительного расслабления.

Я не помню, как мы уснули. Проснулась я, связанная с ним, липкая, грязная и удовлетворенная, с больной от вина головой. В окно пробивались лучи солнца.

У меня появилась привычка оставлять нетбук рядом с кроватью, близко под рукой, чтобы писать сразу же, как только я просыпаюсь, и записывать воспоминания предыдущего дня, пока они еще свежи.

Лука пошевелился, так что пришло время для утренней любви, а потом — в душ, и кофе.

Я почти готова сказать это. Его семья права, мой страх — это единственное, что сдерживает меня. Но на самом деле, мой страх весьма силен. Когда я думаю о фразе «Я люблю тебя», то вспоминаю Гарри и то, как я говорила ему это каждый день более десяти лет, лишь изредка слыша те же слова в ответ и еще реже наблюдая их доказательство. И понимая во внезапном, резком и надрывном откровении, что он никогда на самом деле не любил меня.

Лука проснулся и смотрит, как я печатаю, затуманенным со сна взором. Вокруг его бедер обвилось одеяло, под головой рука, а на губах едва заметная улыбка.

— Отложи эту штуковину и иди ко мне, — промолвил он.

А я продолжаю печатать, пока он ко мне тянется, просто чтобы его позлить. О боже, он нечестно играет, он трогает мою киску, пока я печатаю. Интересно... не могу сконцентрироваться, не могу думать, а теперь...

...к черту все, закончу писать позже.

ГЛАВА 5 28 Июня

Я решила оставить предыдущий кусок неоконченным, как есть. Мне показалось, это даже мило.

Сижу на пляже на западном побережье Италии. Не знаю, как называется этот старинный городок с живописными руинами на утесе и каменными строениями, слышавшими болтовню жителей задолго до того, как на тропах Америки появились первые следы европейцев.

Я приехала сюда на поезде, чтобы подумать и принять несколько решений на трезвую голову.

Думать телом и сердцем рядом с Лукой слишком уж просто. Разум и логика отодвигаются на задний план, и если уж мне нужно принять рациональное решение, то необходимо отойти от тяжелого наркотика под названием Лука.

Но ведь он же не наркотик, так? Он не видоизменяет мой разум и не меняет меня. Он превращает меня в того человека, которым я действительно являюсь. С ним я беззаботная, раскрепощенная, свободная и полная жизни. Его семья такая любящая, такая щедрая и приветливая, что среди них я чувствую себя в кругу семьи больше, чем среди собственных родственников в Штатах.

Мой отец — холодный и осуждающий человек, легко ставящий ультиматумы и жесткие требования, но с трудом выражаящий привязанность, ободрение и комплименты. Мать у меня такая же, но более склонная к пассивной агрессии, предпочитающая выжидать, наблюдать и собирать доказательства против тебя, и лишь потом бить, когда наступит правильный момент. Она — гений тактики.

Лия у нас Мисс Совершенство. Сплошные пятерки, без малейших усилий. Капитан группы поддержки, член дискуссионного клуба, вице-президент студсовета в течение трех лет, популярная, веселая, стройная. Вышла замуж за стабильного, заботливого мужчину после недолгой помолвки, родила детей, обзавелась домом с настоящим белым, мать его, забором. Для всех ее жизнь была такой же элегантной и идеальной, как и она сама. А потом она трахнула моего мужа.

Не то, чтобы я сильно об этом жалела.

Не могу представить, чтобы Элизабетта спала с мужем Лючии. Такое просто невозможно. Никак.

Забавно, я едва помню Штаты. Я все больше говорю по-итальянски. Я только что поняла, в дневнике этого не видно, потому что я перестала транскрибировать итальянский, кроме тех моментов, когда кто-то говорит по-английски и резко пересекается на итальянский. Мне даже сон снится на итальянском. А во время секса с Лукой я выкрикивала его имя и вместо «да, да, да» по-английски стонала то же самое по-итальянски.

И даже сейчас, когда я думаю, что пора отправляться домой, в моей голове возникает изображение дома во Флоренции — дома, полного света, смеха и любви. И Лука. Я вижу себя во Флоренции, в маленькой квартирке неподалеку от дома Доменики и Данте. В горшке на окне стоят цветы, белье сушится на веревке по старинке, скатерть в клетку на круглом столе, а из старой бутылки вина торчит свечка.

А однажды, возможно, по этой квартире будет бегать маленький мальчик или девочка с иссиня-черными волосами, смуглой кожей и лазурно-голубыми глазами.

Солнце садится, и ярчайшие блики оранжевого света отражаются от покрытой рябью синевы океана. Кричат чайки, вдалеке брызгаются волнах дети. На горизонте мелькает белый парус.

Итак, решение.

Боюсь ли я любить Луку? Да. Да, черт меня дери. Я боюсь, что все это закончится так же, как с Гарри, и я застряну в Италии иностранкой без гроша в кармане и каких-либо связей, старой, одинокой и слишком уставшей, чтобы начать все заново.

Я боюсь, что мне снова будет больно, что меня вновь предадут. Боюсь заводить с ним ребенка, потому что это будет означать, что я навечно с ним связана, и если все закончится, если он мне изменит или не будет любить до конца наших дней, то я окажусь в полной жопе.

Но я знаю — и сердцем, и разумом, — что он любит меня просто так. Знаю на уровне инстинктов. Он приехал в Париж после первого же звонка, даже несмотря на то, что я убежала от него целых два раза. Он показал мне чудеса секса. Показывает каждый день, что я красива и стою любви.

Он называет меня «любимой» по-итальянски. Он смотрит на меня с обожанием, светящимся в глубине угольно-черных глаз. Он касается меня так, словно я — произведение искусства, скульптура, созданная Господом только для Луки, для него одного.

И так оно и было.

Он почти заставил меня вновь поверить в Бога, хотя я перестала давным-давно.

Он любит меня.

А я люблю его.

ГЛАВА 6

29 июня

Я пишу эти строки под молчаливое покачивание вагона поезда. Еще один поезд. На этот раз из Флоренции в винодельню в Тоскане. Зачем я еду в Тоскану? Чтобы найти Луку.

Он не сбежал, как я, но он внезапно ушел.

Я сошла с поезда во Флоренции и практически побежала к дому его родителей, чтобы найти его и рассказать все новости. Я ворвалась во двор через калитку, выкрикивая его имя. Во дворе было пусто и тихо.

Я остановилась, смущившись. Он сказал, что будет здесь, когда я вернусь, сказал, чтобы я ждала его. Перед отъездом я позвонила ему из отеля и сообщила время приезда поезда.

Так где же он?

Я зашла на кухню и увидела за столом Доменику, пьющую кофе и раскладывающую пасьянс. Я налила и себе чашку, добавила сахара и села, сгорая от гнева. Мое дыхание, видимо, помешало пасьянсу Доменики, и она раздраженно на меня посмотрела, но затем увидела мой печальный взгляд.

— Его вызвали на работу, дитя. Там что-то случилось в одной из... Этих, ох, Матерь Божья, как там... Винных? Нет. Где делают вино. Не могу вспомнить подходящее слово. Но он поехал туда. В Монтепульчано. Сказал, что вернется через несколько дней.

— Винодельня, — сказала я.

— Да, именно. Спасибо. Так вот, пожалуйста. Не волнуйся. Расслабься и выпей еще кофе. Помоги мне приготовить ужин. Поиграй со мной в карты. Глазом не успеешь моргнуть, как он вернется.

Я покачала головой.

— Нет, Доменика. Я не могу ждать. Мне нужно с ним поговорить.

— Да? — Доменика не оторвала взгляда от карт, но я чувствовала, как в ней нарастало любопытство.

Почему-то я решила ответить ей по-итальянски.

— Io lo amo (Я люблю его).

— Я знаю, figlia (дочка), — сказала она. — И он тебя тоже.

Figlia. Дочка. Мои глаза загорелись от того, как она это сказала.

— Ну, я никогда не говорила ему, что люблю. Мне нужно его увидеть.

Доменика подняла взгляд с карт и улыбнулась мне. Она вышла из-за стола, подошла к шкафу в углу кухни,циальному всячине, самому обычному собирателю хлама. Она рылась в нем, пока не нашла конверт, полный брошюр, и пролистала их в поисках нужной.

— Думаю, он поехал туда. Если нет, там тебе подскажут, где он. Доменика протянула мне яркий буклет из блестящей бумаги, сложенный втрой, с надписями на итальянском. На обратной стороне я увидела адрес, записала его и поблагодарила Доменику. Я переоделась в чистую одежду, и, отправившись обратно на вокзал, купила там билет на поезд.

И вот я уже почти приехала, поезд подходит к станции. Сердце уже ушло в пятки, в животе порхали бабочки, хоть я и понимала, что нужно еще найти винодельню, а там его может не быть.

Сейчас четыре часа утра, и я не могу уснуть. Голова идет кругом, как раньше поговаривал мой дед.

Пока я пишу, меня мутит, у меня дрожат пальцы и колотится сердце.

Я сказала «да».

Черт. Сдай-ка назад, Делайла. Расскажи все с самого начала. Когда рассказываешь историю, она становится настоящей. Это помогает успокоиться и справиться с эмоциями.

Лука похрапывает рядом. Но даже сейчас, во сне, он развернулся так, чтобы обхватить рукой мое бедро. Не могу не улыбаться, когда вижу его отблеск счастья на спокойном лице.

Значит, все в порядке.

А теперь вернемся к началу.

Я вышла из поезда с сумкой через плечо. Ослепительный блеск тосканского солнца заслоняли темные очки. На станции я спросила, как добраться до винодельни, мне ответили, что лучше будет взять в аренду машину и дали адрес ближайшего пункта аренды.

Добравшись туда, я обнаружила, что у них нет машин. То есть, нет машин, которые я бы смогла водить. Дело в том, что я не умею водить механику, а все их машины были как раз с механической коробкой передач. В итоге я арендовала «Веспу» — что-то среднее между скутером и мопедом. Несмотря на то, что она была младенчески-голубого оттенка и явно практически моей ровесницей, она ехала. У меня была всего одна сумка, которую я примотала к сиденью позади себя потрепанным тросом, который мне также одолжили в агентстве. Там же мне объяснили куда ехать дальше.

А вот насколько далеко винодельня находится от деревни, мне никто не сказал. Может, не так уж и далеко. Может, я просто нервничала, да еще и черепашья скорость «Веспы» подливала масла в огонь. Честное слово, эта штука ехала ненамного быстрее моей обычной пешей скорости. В любом случае, у меня было ощущение, что я еду целую вечность.

Вокруг было невероятно красиво. Италия в своем совершенстве. Живописные холмы, аккуратные ряды виноградных лоз, теряющихся за горизонтом. Яркое солнце, голубое небо, облака, точно из мягкой ваты. Жарко, но не до изнеможения.

После того, как я час с лишним каталась по извилистым дорожкам на престарелом скутере, мне удалось найти основное здание винодельни. Пожилой мужчина наткнулся на меня, беспомощно тыкающейся между рядами пыльных винных бутылок, с этикетками и без.

— Чем я могу помочь? — медленно по-итальянски спросил он.

— Да, — сказала я куда более будничным тоном, — я ищу Луку. Мне сказали, что он может быть здесь.

— Луку? — Старик нахмурился и потер верхнюю губу шишковатым пальцем. — Ах, да, да, Лука. Он где-то тут. В винограднике, я думаю. Вон там.

Он махнул в сторону холмов.

— Можете подождать его здесь. Это будет проще, сами понимаете. Поля-то огромные. Он где угодно может быть.

— А что он делает?

— Делает? Ох, я понятия не имею, будьте уверены. Что-то важное. Он ведь совладелец, в конце концов.

— Совладелец? Я не знала, что ему принадлежит целая винодельня.

Старик пожал плечами.

— Не полностью. Это как-то по-новому зовется. С виноградом или с расчетами была какая-то проблема, наверное. Не знаю. Подождите здесь, если хотите. Я могу налить вам немного вина. Или можете пойти осмотреться. Оставьте здесь свою сумку. Не волнуйтесь за нее. Тут все равно только я.

— Я пойду посмотрю, — решила я, оставляя сумку на стойке.

Старик снова пожал плечами, взял сумку и убрал ее подальше от глаз. Затем он помахал мне и куда-то поковылял.

Я направилась в сторону полей, которые тянулись по всем направлениям так далеко, что краев не было видно. Мне стало сложно ориентироваться в окружающем пространстве. Я шла уже минут десять, над моей головой кружили птицы. Не было слышно ничего кроме их пения и легкого шелеста ветра.

И вдруг я услышала его голос. Я увидела, что он осматривает участок с виноградной лозой, на которой видимо завелся какой-то паразитирующий жучок. На беглом итальянском Лука что-то говорил мужчине, стоявшему рядом. Этот мужчина выглядел на пару лет старше его. Я наблюдала за ними на расстоянии полуметра. Оба мужчины, казалось, о чем-то страстно спорили, и мне не хотелось им мешать.

Позади залаяла собака, испугав меня. Обычно я не то чтобы боюсь собак, но и любви к ним особой не испытываю. Я закричала, подпрыгнув в воздух сантиметров на тридцать. Обернувшись, прямо перед собой я увидела пса размером с небольшую лошадь, из пасти которого свешивался язык. У собаки были огромные словно кинжалы, клыки, а ее лапы были такие же большие как суповые тарелки. Там, где по идее должны были располагаться ее когти, находилось что-то подозрительно похожее на несколько остро заточенных мечей. Затем она опять залаяла, громко настолько, чтобы меня оглушить. Моему взгляду открылась пасть полная зубов, из которой вываливался длинный розовый язык. От этого казалось, что она мне улыбается. Ее зловонное дыхание попадало мне прямо на грудь. Да, это животное было настолько большим, что даже сидя, ее голова находилась на уровне моей груди.

— Убирайся! — сказала я по-английски.

Собака не сдвинулась с места. Я услышала сдавленный смешок за своей спиной, но даже думать не смела отвести глаза от этого гигантского пожирателя человеческой плоти, сидящего передо мной. И тут я вспомнила, что нахожусь в Италии, а это значит, что собаку дрессировали подчинятся командам на итальянском языке, не на английском. Прежде я никогда о таком не задумывалась.

— Scendere me, cane! Scendere! (Ит. Отойди от меня, собака! Уходи!)

Собака только лаяла. Мои ноги немели оттого, что на них лежала туша собаки весом две или три тонны. Собрав всю свою храбрость, я надавила ей на грудь, пытаясь немного сдвинуть ее, но она даже не пошевелилась. Это было тоже самое, что пытаться передвинуть многоэтажный дом. Собака подтолкнула меня своим носом, и я упала на спину. Мои ноги оказались прижаты к земле ее огромным седалищем. Возможно в этот момент собачье дермо размазывалось по моим ногам.

Я не очень любила собак.

— Brutus, vieni qui (ит. Брут, ко мне!), — голос Луки окутал меня.

Пес по имени Брут гавкнул мне в лицо, забрызгав его слюной, после чего вскочил и занял место рядом с Лукой. Я села, вытерла лицо, забрызганное дурно пахнущей собачьей слюной и поднялась на ноги.

Лука попытался скрыть улыбку, но мало преуспел в этом.

— Делайла, amore (ит. любимая), какой приятный сюрприз встретить тебя здесь!

Он подошел ко мне, задрал край своей футболки и вытер им насухо мое лицо. Я достала из сумочки небольшую бутылочку с антисептиком, которую обычно беру с собой в поездки, выдавила немного и нанесла его на руки и лицо, что вызвало у Луки и его товарища громкий смех. Пес меж тем отошел от Луки и сел у ног того, другого мужчины, который теперь рассеянно почесывал его за ухо.

— Понимаешь, когда я вернулась, оказалось, что ты уже уехал. А мне очень хотелось повидаться с тобой. Я не знала, когда ты планируешь вернуться, и твоя мама сказала мне, что ты возможно здесь. Поэтому я собралась и поехала. Я надеюсь я не сильно помешала.

Лука отрицательно замахал руками.

— Нет, нет. Небольшая неприятность с виноградом. Завелось какое-то насекомое, которое поедает наш урожай. Но мы с этим разберемся. Не проблема.

— Я и не знала, что ты совладелец виноградника, — сказала я.

Лука пожал плечами.

— Тут особо и нечем хвастать. Я работаю на Джанкарло и Марио уже много лет. Когда Марио собрался на пенсию, то продал мне часть своей доли с хорошей скидкой.

Мужчина, которым, как я предполагала и был Джанкарло, помахал Луке и направился сквозь ряды решеток обвитых виноградной лозой. Брут следовал за ним по пятам. Когда они скрылись из вида, Лука заключил меня в объятья.

— Ты проехала столько, чтобы просто поговорить со мной? — спросил он.

Я кивнула, глядя на него снизу-вверх. Мои руки лежали у него на талии.

— Я проехала все это расстояние с единственной целью — сказать тебе три слова: Я люблю тебя.

Лука улыбнулся и поцеловал меня. Медленно и страстно он овладел моими губами.

— На побережье тебе пришли пара хороших идей, верно?

Я играла с верхней пуговицей его рубашки, и как-то так получилось, что она расстегнулась.

— В конце концов, это было не так уж и сложно. И вот я здесь, с тобой.

Пока я говорила, еще три пуговицы были расстегнуты. Он снял рубашку, которую легким ветерком тут же унесло прямо в грязь, лежащую у нас под ногами. Пальцы Луки скользнули по открытой коже между моими шортами и футболкой. После чего он снянул с меня футболку через голову. Он быстро справился с передней застежкой моего бюстгальтера. Теперь я стояла голая по пояс посреди виноградника. Палящее солнце Италии сияло над нашими головами.

— А если этот, как там его зовут, вернется? — проговорила я, расстегивая молнию и пуговицу на джинсах Луки.

— Джанкарло? Нет. Он сказал, что идет домой. На этой части участка уже никто не появится.

Лука стоял обнаженный под палящими лучами солнца. От одного взгляда на него кровь быстрее побежала по моим венам.

Это всегда срабатывало. Его красота сбивала меня с ног. Мускулы покрывал идеальный загар. Все его тело состояло из них — твердых, угловатых, бугристых и рельефных доказательств его мужской силы. Мои шорты упали вниз. Разложив нашу одежду на пыльной земле, он лег на нее потянув меня за собой. Лежа на нем я чувствовала, что его кожа, несмотря на то, что все его тело состояло из твердых как камень мускул, очень нежная на ощупь. Наши губы встретились. Внизу живота разгорелся дикий огонь, который постепенно спускался ниже к расщелине, лежащей между моих ног.

С тех пор как я приехала в Италию, мы с Лукой переспали уже много раз. Мы занимались сексом дома на кровати, на улице на голой земле, в самых разнообразных позах, но... сейчас все было как-то по-особому. Я наконец-то преодолела последнюю преграду, мешавшую мне отдаваться чувству, возникшему между нами. Он больше не учил меня получать удовольствие от секса. Да и никогда не учил. То, что было между нами, называлось любовью. Так мы выражали наши чувства друг к другу и желание стать ближе.

Термин «заниматься любовью» настолько часто используется, что мы перестаем задумываться о том смысле, который несут сами слова. Но на самом деле этот термин очень подходит для того чтобы описать секс между людьми, которые искренне любят друг друга. Два обнаженных тела тесно соприкасаются. Плоть полностью беззащитна. Все изъяны тела оказываются на виду. Если в отношениях вы открыты своему партнеру и полностью доверяете ему, это делает вас уязвимым также и в эмоциональном плане. Такие отношения требуют от человека определенной храбрости. Если задуматься, занятие любовью или сексом — это проявление неимоверного доверия. Ты открываешь свое тело

другому человеку, надеясь на его милость. Все твои действия, способности и жизненный опыт, или же отсутствие всего вышеперечисленного, выставляется для тщательного изучения. Все, что касается тебя как личности, подвергнется рассмотрению.

С Лукой я осознала, а может... я только сейчас поняла, пока пишу эти строки, что наши с ним отношения больше основаны на физическом притяжении. По крайней мере для меня это так. Я наслаждалась теми чувствами, которые он заставил меня пережить. Мне нравились его прикосновения. Мне нравилось смотреть на его тело. Мне нравилось получать невероятное блаженство от оргазмов. Но не думаю, что я по-настоящему ценила тот подарок, который Лука преподнес мне до этого утра в виноградниках вблизи городка Монтепульчано. Он подарил мне самого себя. Он доверился мне эмоционально. Для него наши встречи не были просто сексом. Он пошел на риск, огромный риск, который практически не оправдал себя. Если бы я не смогла осознать свою любовь к нему, его сердце было бы разбито.

Все это я прочитала в его глазах, когда он прижал меня к своей груди. Поняла именно там, лежа на голой земле, вдыхая ее аромат и глядя на солнце сквозь густую листву. Наши тела сплелись в едином танце. Это нельзя было назвать простым перепихоном. То, что произошло между нами, было выше таких слов как «член» и «киска». Я и сама часто использовала их в прошлом и планирую использовать в будущем, потому что они мне нравятся. Они такие вульгарные, грубые и предельно честные. Но в тот момент между нами произошло нечто большее.

Мне тяжело, даже сейчас, загнать в хоть какие-то рамки и до конца понять природу такого необъятного явления как «настоящая любовь», когда мы говорим о ней в плане телесных отношений между двумя людьми. Ведь часто кажется, что «настоящая любовь» это что-то из области сказок, что-то, о чем пишут в детских книжках. «И вот, после того как враг был сражен, прекрасный Принц целует Принцессу на фоне заката». Какая малышка не рисует себе такую картину, играя с Барби и ее кукольным домиком. Какая девушка не представляет себе это во время просмотра слезливых девчачьих мелодрам и романтических комедий.

Все мои представления были целиком и полностью ошибочными.

Он привлек меня к своей груди, поцеловал в губы, нежно, страстно, после чего вошел в меня. Его кожа была мягче любой перины, а лежать на нем было куда приятнее, чем на самой удобной кровати. Он положил на меня руки, создавая что-то наподобие защитного кокона. Его пальцы ласкали мою кожу. Его затвердевший орган проскользнул внутрь моей податливой и горячей вагины, еще сильнее разжигая огонь, бушующий внутри меня. Каждым новым толчком он все глубже вколачивал в меня свою любовь.

Наш поцелуй прервался, мы посмотрели в глаза друг другу, не прекращая двигаться в одном ритме. Я открылась Луке. Открыла свое сердце, разум, тело и душу тому, что он мне предлагал. Я смахнула с себя страхи, так, словно это были капельки пота, выступающие на моей коже. Он видел меня, видел насеквозд и любил меня за то, какая я была на самом деле. Я пыталась постигнуть сущность того, что происходило между нами, охватить это всем сердцем и всей душой, осмыслить каждой клеткой своего мозга. Но у меня не получилось. Она была безгранична.

Я улыбалась от того неподдельного счастья, которое охватило меня и слезы стремительным потоком хлынули у меня из глаз. Я поцеловала его, солоноватая влага попала на губы, но Лука не стал спрашивать о причине моих слез. Он видел какой водоворот эмоции бушует внутри меня и распирает изнутри. Он впитывал мои эмоции в себя и отражал обратно.

Он двигался без остановки, ласкал мое тело, прикасался ко мне, целовал меня. Снова и снова проскальзывал внутрь меня и выходил обратно. Все это он делал с любовью. Нежно, жадно, превосходно. Он наполнял меня, разжигая внутри пожар.

Я позволю себе использовать в описании одно клише: Лука сделал меня цельной. Клише любят так часто повторять, потому что им свойственно быть очень правдивыми. И

эта фраза бесспорно правдива. Человек, который по-настоящему безумно и глубоко влюблен, несомненно, дополняет тебя. В Библии в первой книге Ветхого Завета говорится: «... и соединится со своей женой, и двое станут одной плотью». И даже если ты никогда не читал святое писание, ты наверняка слышал подобную фразу. Что же, получается есть и другая фраза, которая несет в себе куда более глубокое значение, нужно лишь остановиться на секунду, чтобы подумать об этом.

Стать одной плотью. Это больше чем просто «соединиться». Это больше чем просто физическая встреча двух тел. Это настоящее слияние, особенно в момент обоюдного достижения высшего пика удовольствия. Пространство, время и границы, отделяющие вас, стираются, и в эти короткие и одновременно с этим бесконечно длинные секунды все, что существует в мире, — это ваша слившаяся в единую целую личность. Целостность. Единый организм, сложенный из двух фрагментов.

Мы стали единой плотью. Я прекратила беспокоиться о будущем и прошлом, переживать о том, что будет если я сделаю что-то не так. Я позволила своей любви воспарить. Я позволила ее зачаткам, дремавшим внутри меня, стать больше, набухнуть и распуститься яркими бутонами. Я позволила ей воспламениться и даже сама подливалась масла в огонь, чтобы лучше горело. Он двигался внутри меня и первые порывы страсти ярко вспыхнув постепенно затухали, уступая свое место другому чувству. Я вдыхала его аромат, ощущала под собой жар его тела, чувствовала его губы на своей коже и его руки, блуждающие по своей спине, ягодицам и волосам.

Оргазм, пришедший к нам, был настоящим бурлящим извержением оголенных эмоций. Его пальцы запутались в моих волосах. С губ слетело мое имя, произнесенное словно в молитве, и тут же подхваченное порывом ветра. Его движения были неистовыми, он извивался подо мной будто пытаясь найти способ слизаться с моим телом еще сильнее.

— Лука, я люблю тебя, — выдохнула я.

Наши взгляды встретились, наши глаза горели от выступивших слез.

— Я люблю тебя, Делайла, — прошептал Лука сначала по-итальянски, а затем повторил эту фразу и по-английски. Он продолжал твердить, — Ti amo. Ti amo (Ит. Люблю тебя. Люблю тебя.)

Наконец мы замерли и затихли.

На этом месте я прерываю описание этой сцены просто потому, что хочу отделить тот величайший опыт от событий, произошедших с нами позднее.

Мы оделись и направились назад через поля к месту, где я припарковала свой мотороллер. Лука немало посмеялся над мотороллером фирмы «Vespa», с помощью которого я добралась до виноградников. Он сказал, что знаком с владельцем фирмы, сдавшей мне его в аренду, и что он сам займется организацией его доставки фирме назад. Мы с Лукой забрали сумку из здания винодельни и затем, обогнув его, оказались там, где Лука оставил свою машину.

Он привез нас обратно в Монтерупольчано в маленький постоянный двор, в котором снял небольшой номер на ночь. Мы вместе приняли душ, и там же снова занялись любовью. О господи, как это было прекрасно. Горячая вода струилась по нашим телам, смывая дорожную грязь, расслабляя наши мускулы. Волны удовольствия проходили по нашим телам. Тепло наполняло нас изнутри, горячие струи воды грели снаружи. Повсюду вокруг нас было очень жарко. Лука прижал меня к стене, одну мою ногу он поднял вверх и, удерживая ее на уровне талии, ринулся внутрь меня. При каждом толчке он вынужден был приподниматься на носочках. Я кусала его за плечо после каждого резкого толчка, и мои стоны гасились на поверхности его твердой плоти, покрытой нежной как шелк кожей, ее солоноватых вкус вперемешку с водой оставался на моих губах. Кончив, я простонала

ему на ухо его имя. Он выстрелил своим семенем внутрь меня. Во время последних затухающих толчков он припал своими губами к моим.

После этого нам снова пришлось мыться. К тому времени, когда мы закончили с мытьем и высушились, вода побежала уже чуть теплая. Мы оделись и Лука повел меня на улицу, наполненную суетливыми туристами и местными жителями. Повсюду можно было увидеть фонтаны, чьи струи, освещенные фонарями, казались желтыми в сумерках наступающей ночи. Мы заняли столик в небольшом ресторанчике и поболтали за ужином, который состоял из вина, пасты и канноли[1].

Не было и дня, чтобы я, пока находилась в Италии, не учила несколько новых слов по-итальянски, поэтому большей частью наши разговоры с Лукой проходили на его родном языке, а не на моем. Этоказалось вполне уместным. Я училась выражать свои мысли на этом языке, а Лука деликатно поправлял мои грамматические, фонетические или синтаксические ошибки.

Мы покинули маленькое кафе и прогуливались вдоль по улице держа друг друга за руку. Порой мы о чем-то болтали, порой просто шли молча. Повернув за угол, Лука словно оцепенел и неожиданно сильно сжал своей рукой мои пальцы.

Перед нами стояла женщина. За руку она держала маленькую девочку, скорее всего лет десяти. Я интуитивно догадалась, что это были Лиа и Луиза.

Два навязчивых желания боролись внутри меня. Часть меня хотела отпустить руку Луки, другая же часть наоборот хотела как можно ближе прижаться к нему, обнять его за талию, заявив этим свои права на него.

Глаза Лиа стали большими от удивления, затем она скованно заморгала, видимо от страха. Казалось, что Луиза выглядит смущенной, словно она не могла сама разобраться в чувствах, которые испытывала в тот момент.

Воцарилось долгое напряженное молчание.

— Лиа..., — Лука говорил по-итальянски, — я не ожидал, что увижу тебя здесь.

— Мы просто проходили мимо, — отозвалась Лиа, выдержав короткую паузу, — мы навещали родственников, проживающих на севере.

Лука облизал губы и сжал мою ладонь, лежащую в его руке. Я стояла, не двигаясь, не смея ни отойти от него, ни придвигнуться ближе.

— Луиза, — произнес Лука. — Как же ты выросла. Как твои дела?

Вначале Луиза взглянула на мать, потом перевела взгляд на Луку.

— Я ведь ребенок. Все дети растут. — Она слегка наклонила голову в сторону. — Почему мы внезапно перестали жить вместе, Лука? Мама не любит говорить об этом.

Лицо Луки исказила гримаса, когда он всеми силами пытался подобрать нужный ответ, и в то же время держать эмоции под контролем.

— Это... довольно непростой вопрос, чтобы дать быстрый ответ, Луиза, — опустившись на колени произнес он. Я положила руку ему на плечо. Я знала, до мозга костей: чтобы пройти через все это, пережить эту встречу, ему нужен неразрывный контакт со мной. — Иногда, все настолько сложно, что даже взрослым тяжело говорить об этом.

Луиза нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, что ты не говоришь мне ничего, потому что я еще ребенок. «Ты не поймешь, Луиза», — скороговоркой выпалила она низким голосом, подражая его голосу, — «Я расскажу тебе все, когда ты вырастешь».

Лука потер лоб рукой.

— Ты очень умная молодая леди, поэтому я бы никогда не посмел соврать тебе или сказать такую ерунду. Я не знаю, почему твоя мать не хочет больше жить со мной. Я уверен, у нее есть на то свои причины. Хотя я знаю, что она любит тебя и хочет для тебе только лучшего.

— Ну да, я знаю, что она меня любит. Она же моя мама. Мамы любят своих дочерей. Но я так часто думала над тем, почему же нам пришлось уехать. Я думала, что это из-за того, что ты не хочешь быть папой для девочки, потому что она тебе не родная.

Лиа подавила в себе вспышку эмоций. Лука мельком взглянул на нее и вновь перевел взгляд на Луизу. Он взял ручку девочки в свою ладонь.

— Нет, малышка. Дело вовсе не в этом. Я... — Лука замолчал. — Дело в другом. Ты должна это знать. Ладно? Дело вовсе не в тебе, или в том, что ты сделала, или не сделала. Ты тут ни при чем.

Луиза кивнула.

— Знаешь, у мамы есть парень, его зовут Марко. Он хороший, но не такой красивый, как ты.

Казалось, ее вполне удовлетворил ответ, данный Лукой.

— Луиза, довольно, — вскипев, прервала ее Лиа. Она потянула ее за руку. — А теперь попрощайся.

Лука поднялся. На мгновение, наши взгляды встретились, я нутром ощутила весь водоворот эмоций, бушевавших в нем. Он вновь взглянул на Лию, вновь хотел произнести что-то, но взглянув на меня, замолчал.

Кажется, я поняла, о чём он думал.

— Спроси ее, Лука, — произнесла я по-английски.

Он кивнул и крепче сжал мою руку.

— Почему ты ушла, Лиа? Мне нужно знать. Мне ничего не изменить, да мне и не хотелось бы. Но... мне необходимо знать правду.

Покачав головой, она взглянула на Луизу и подошла ближе к Луке.

— Ты не подходил мне. Ты требовал от меня того, чего я не в силах была дать, и я не знала, как сказать тебе об этом. Вот почему я ушла.

Лука покачал головой.

— Нет, дело не в этом. Ты отняла у меня все, Лиа. Все.

— У меня не было работы, не было связей. Я не знала, как буду содержать себя и Луизу, когда ушла. Знаю, я поступила неправильно, и мне очень жаль. Потом я поняла это. Ты хороший человек и заслуживаешь большего, чем все это. — Она потупила взгляд.

— Ты заслуживаешь кого-то лучшего.

— Если бы ты сказала... — начал было Лука.

— Нет, Лука, — оборвала его Лиа. — Не здесь, не сейчас. Я приехала, чтобы объясниться. На этом все.

Внезапно, меня одолел приступ паники, когда я ощущала те эмоции, которые сейчас испытывал Лука. Я думала, он покончил с этим, что все в прошлом, но сейчас, глядя на все происходящее, я уже не была в этом так уверена.

Лиа потянула Луизу, чтобы та последовала за ней мимо нас.

— Прощай, Лука. Надеюсь, ты еще будешь счастлив. Надеюсь, ты нашел ту, которую заслуживаешь.

Луиза вырвалась от матери и обняла Луку.

— Мы когда-нибудь увидимся вновь?

Лука медленно покачал головой.

— Нет, Луиза, не думаю.

Она кивнула.

— Возможно, когда я стану старше, мы сможем стать друзьями.

— Возможно, — проронил Лука, легонько подталкивая девочку к матери. — Теперь, тебе пришло время уходить. Не заставляй маму ждать. Она не любит опаздывать.

Луиза и Лиа свернули за угол, исчезнув из поля зрения. Но прежде чем это произошло, Луиза оглянулась и бросила на нас последний взгляд.

Лука долгое время не проронил ни слова, глядя им вслед, словно до сих пор видел, как они уходят.

— Ты в порядке? — спросила я.

Лука кивнул.

— Для меня было шоком, увидеть их спустя столько времени.

Он потянул меня за руку, и мы продолжили идти. Пройдя несколько шагов, я все же не могла не спросить.

— С ней покончено? В самом деле?

Лука взглянул на меня, нахмурившись.

— Покончено? Конечно же, у нас с ней все кончено. Как я говорил, меня повергла в шок сама эта неожиданная встреча с ней.

Я пожала плечами.

— Я просто не знаю. Ты вдруг так расстроился. Я подумала, может ты... соскучился за ней.

Лука покачал головой.

— Расстроен — да. То, как она оставила меня, причинило мне боль. Именно поэтому, когда ты сбегаешь, мне так сложно справиться с этим. С чего бы мне не двигаться дальше, если даже ты сделала это. Так что да, меня раздосадовала встреча с ней, но, скучал ли я за ней? Ответ — нет. Мы с ней не подходили друг другу. В ее словах была доля правды. Она не в силах была дать мне то, в чем я нуждался, как и я не мог дать ей то, что было нужно ей. Она поступила как трусиха, меня же больше расстроила встреча с Луизой. Я всегда надеялся, что она не станет думать, будто я бросил ее. Теперь, поговорив с ней, мне стало легче. Она знает, что я никогда не отказывался от нее. Это лучшее, на что я мог рассчитывать, мне стоит принять это в сложившейся ситуации.

От этих слов, мне стало немного легче.

— Как только ты будешь уверен...

Он остановился, прижал меня к стене и поцеловал, не позволив мне закончить мысль.

— Только с тобой, amore. Хочу быть только с тобой, моя Делайла. Я не хочу возвращаться к Лие, точно так же, как и ты к Генри. С ними у нас все кончено, и это к лучшему.

Мы целовались в оранжевых лучах уличного освещения, тихое журчание воды в фонтанах неподалеку служило отличным музыкальным сопровождением к танцу, который исполняли наши губы. После этого мы еще долго гуляли по улочкам Монтепульчано. На постоянный двор мы вернулись уже под утро и снова занялись любовью.

И каждый раз это было по-другому. На винограднике мы любили друг друга неторопливо, размеренно и очень эмоционально, в душе грубо и страстно, в темном гостиничном номере, освещенном лишь звездами и светом уличных фонарей, наш секс был безумным и шумным. Мы испробовали множество поз, наше желание было полностью удовлетворено, а силы истощены.

Я лежала в его объятьях, мокрая от пота и запыхавшаяся. Я дрожала после бешеного темпа, с которым мы занимались любовью, и оргазма, накрывшего нас.

Пальцы Луки играли с моими волосами, глаза были устремлены на мое лицо. Он был глубоко погружен в свои мысли, и я бы может и хотела спросить его, о чем он думает, но я знала, что он сам скажет мне это, когда будет готов.

Я уже почти засыпала, когда Лука вдруг, опираясь на локоть, приподнялся на кровати. Подушечкой большого пальца я провела линию посредине его глубоко очерченных грудных мышц. В его черных как уголь глазах явно читались те эмоции, которые он испытывал в тот момент.

— Я не вынесу, если ты снова покинешь меня, Делайла, — сказал он.

Я прижалась ближе к нему и поцеловала в подбородок.

— Я никуда не денусь, обещаю. Я люблю тебя. И хочу быть с тобой.

— Навеки?

У меня перехватило дыхание.

— Что? Что ты... что именно ты имеешь ввиду?

— Я спрашиваю, хочешь ли ты оставаться со мной, будешь ли ты всегда любить меня?

Он взял меня за левую руку и прикоснулся к безымянному пальцу, на котором обычно носят обручальное кольцо. — Сейчас мне нечем украсить твой пальчик. Я могу предложить только самого себя. Только мою любовь, которая будет жить, пока жив я сам.

Я потянулась к его волосам и обернула прядь вокруг своего безымянного пальца.

— Скажи это, Лука. Произнеси эти слова.

— Ты выйдешь за меня, *mia bella Delilah* (ит. моя прекрасная Делайла)?

Я кивнула, и поцеловала его.

— Да, выйду.

Лука рассмеялся.

— Да уж, наверно, это вовсе не похоже на то романтическое предложение руки и сердца, о котором мечтает каждая женщина, верно?

— Определенно нет, но оно было идеальным.

— Я куплю тебе кольцо, amore, — пообещал Лука, — дай нам только вернуться во Флоренцию.

— Замолчи, Лука, — отозвалась я, — не порти момент. Мне не нужно кольцо. У меня оно уже было, большое кольцо, и оно ни черта не значило. Всегда люби меня и никогда не предавай. Вот все, чего я хочу.

— В этом можешь не сомневаться. Но я все равно куплю тебе кольцо, чтобы все мужчины завидовали мне и знали, что ты принадлежишь только мне.

Я прижалась к нему ближе, так что теперь могла слышать, как он мирно дышит.

— Я принадлежу тебе. — Произнесла я даже не в адрес Луки, а ради самой себя, смакуя каждое слово.

Он пробормотал что-то неразборчиво на своем родном языке, и уже пару мгновений спустя раздалось его похрапывание.

Я дождалась, пока он уснет покрепче, и сразу же застучала пальцами по клавиатуре.

Он пошевелился, уверена, ощущая, что я не сплю. Он хотел, чтобы я прижалась к нему всем телом, и сейчас, осознав это, я наконец смогу погрузиться в сладкий сон.

Я сказала «да».

О боже.

ГЛАВА 7

3 Августа

Последние несколько дней события неслись с умопомрачающей скоростью. Оказывается, помолвка — это невероятное событие в семье Луки. Мы еще даже не говорили о том, когда, собственно, поженимся (ой-ой!), а сестры Луки и жены его братьев уже составили кучу планов, тащат меня на девичники и занимаются всяkim таким. Когда мы объявили о нашем решении, они закатили огромную вечеринку с литрами вина, граппы и детьми, танцующими под музыку в исполнении Элизабетты и Лючии.

Они приняли меня с распростертыми объятиями. Они — моя семья.

ГЛАВА 8

4 Августа

Лука купил мне кольцо. Тонкая полоска платины с двумя маленькими бриллиантами по обе стороны от большого. Оно прекрасное, просто идеальное. Он отвел меня на мост Понте-Веккьо поздно вечером и развернул меня спиной к перилам. Мимо нас, оборачиваясь, шли люди.

Он встал на колено с коробочкой в руке.

Я засмеялась и подтолкнула его локтем.

— Я уже сказала тебе «да», Лука! Что ты делаешь?

Он улыбнулся.

— Просто отдать его тебе было бы неправильно. Это ведь обручальное кольцо. И мужчина должен сделать это как полагается, разве нет? Итак, Делайла Флорс, выйдешь ли ты за меня?

Толпа вокруг остановилась, раздался свист и восторженные восклицания на итальянском, английском, немецком и французском.

Я выждала несколько секунд, чтобы нагнать напряжение на свидетелей в толпе, и затем шагнула к Луке, нагнулась и поцеловала его.

— Да. — Я снова поцеловала его и потянула его вверх, чтобы он встал на ноги. — Ты сумасшедший, и я люблю тебя.

— Ты еще более сумасшедшая, и я люблю тебя.

Толпа вокруг совсем обезумела от восторга, а мы оба засмеялись.

ГЛАВА 9

4 Мая (СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА)

Вскоре после того как Лука сделал мне предложение, я начала новый дневник. Мне казалось, что в моей жизни начинается новая глава, и я хотела отпраздновать это новым дневником. Но сейчас мне хочется вернуться к этому, старому, и кое-что добавить.

Эпилог, если хотите.

Завтра я выхожу замуж. Сейчас я сижу в номере отеля в Венеции, одетая для девичника. Конечно, они его здесь так не называют, но именно это мне и предстоит.

Я звонила родителям и рассказала... ну, не все, конечно, но что я выхожу замуж в Италии, за итальянца. Мать бросила трубку. Лишь я даже не стала звонить.

И сейчас, когда я жду девушек, которые уже вот-вот ворвутся ко мне в номер, чтобы напоить до полусмерти, я знаю, что они — моя настоящая семья. Лючия была первым человеком, сжавшим меня в объятиях и утиравшим мои слезы после того как мама бросила трубку. Луки в тот момент не было, он был в командировке в Витербо.

Самое забавное, что несмотря на то что мне было больно, я не чувствовала себя опустошенной, как это всегда было раньше после подобных событий. Я даже не очень-то и удивилась. В конце концов, никто особо не огорчился из-за того, что я уехала. Мама не спросила, где я, что случилось с Гарри и все ли со мной в порядке.

Доменика учит меня готовить. Она очень терпеливый преподаватель, а я — прилежная студентка, так что у меня хорошо получается. У меня почти получается приготовить любимое блюдо Луки так, как ему нравится, хотя он весьма серьезно дал понять, что сомневается, что у меня когда-либо получится сравняться в этом с его мамой, и я с ним согласна. Но я все равно могу попробовать.

В Штатах я никогда не готовила. Мы либо ходили куда-нибудь поесть, либо заказывали еду на дом, либо готовили что-то совсем простое: замороженное или из набора. Мы редко ели вместе. А здесь прием пищи — целое событие, это время, чтобы собраться вместе, обсудить текущие события и провести время с семьей. Вся семья, включая нас с Лукой, за считанные минуты собирается у Доменики с Данте, так что в доме всегда находятся люди, живущие вместе на кухне или за длинным обеденным столом. Абсолютно все собираются по воскресеньям и группами приходят обедать в течение недели. Их дом — это место, где рады всем в любое время суток.

Когда мы с Лукой впервые поругались как пара, — причина была глупая, и я ее уже не помню, — я захлопнула дверь нашей квартиры и пошла к Доменике. С Доменикой, которая все еще не спала, словно зная, что она будет мне нужна, мы выпили по чашке кофе — эдакий второй ужин. Чуть позже пришел и Лука — от него пахло пивом, а в глазах плескалось желание. Он поцеловал мать, тоже выпил кофе и вел себя так, будто ничего не случилось.

Когда он наконец вытянул меня из дома собственной матери, я все еще пыталась держаться за собственное раздражение на ту ерундovую причину, по которой мы поцапались. Он лишь посмеялся надо мной, прижал спиной к стене и целовал до тех пор, пока у меня не осталось иного выбора кроме как раствориться в его губах. Он потащил меня домой, бросил на кровать, стянул с меня одежду жадными пальцами и терзал меня языком, пока я не взмолилась о пощаде, чтобы наконец почувствовать его внутри себя. Он оттягивал этот момент, поднимаясь вверх по моему телу, перемещая губы к моей груди и врываясь в мое лоно без предупреждения. Я выдохнула, обвила ноги вокруг его спины и взяла все, что он должен был мне дать, требуя больше и сильнее.

Девчонки тут и требуют, чтобы я закрыла ноутбук и шла тусоваться.

ГЛАВА 10

6 Мая

Какой чудесный день. Мы выбрали Венецию, потому что большая часть огромного семейства Луки перебралась ближе к этому городу. Этот день был прекрасным, как впрочем и каждый день, проведенный в этой стране.

В часовне никто не стал садиться «со стороны жениха» и «со стороны невесты». Не знаю, было ли это из-за того, что так садятся исключительно в Америке, или из-за того, что семья Луки тактично предотвратила такую «расстановку сил». В любом случае, то, что с моей стороны никого не было, было неважно, ведь семья Луки достаточно большая для нас обоих. И его мать, и его отец — выходцы из больших семей, так что часовня заполнилась до предела и гудела от смеха и болтовни. Прежде незнакомые мне дальние родственники Луки приняли меня так же тепло, как и близкие, — с любящими объятиями, оживленными комментариями по поводу цвета моих волос и прочим. Когда наступили праздники и карнавал, я достаточно бегло разговаривала по-итальянски, и никому больше не приходилось переходить на английский для моего удобства. И, кажется, тогда я действительно поняла, что меня по-настоящему приняли.

Это было удивительное чувство. Я никогда не ощущала себя в своей тарелке в Штатах: ни в собственной семье, ни с Гарри, ни в маленьком вычурном захолустье, где раньше жила. А здесь, в Фирензе, с Доменикой, Лоренцо, маленьким Бенито и крохами Марией и Элизабеттой, я чувствую, что я свой человек. Что я дома.

Свадьба. Сосредоточься, Делайла.

Ох. Свадьба была по всем традициям — с пением на латыни и вставанием-присаживанием гостей. Церемония была красивой, но короткой, и очень уместной. Настоящее веселье началось на застолье. Оно проводилось в винодельне недалеко от Венеции, на открытом воздухе в ярких лучах заходящего солнца. Группа исполняла ритмичную музыку, идеальную для танцев. Ну и конечно, чудесное вино лилось рекой и столы ломились от еды. Казалось, что на застолье раза в три больше людей, чем на церемонии. Некоторых людей привлекали звуки веселья, и они просто приходили, — и их тоже встречали с распостертыми объятиями. Все было шумно, дико и безумно, и длилось всю ночь напролет.

Я танцевала до упаду, пила до потери памяти и ела как не в себя, а потом повторяла этот цикл вновь и вновь. В конце концов, когда серый свет светлеющего неба начал сменяться лучами восходящего солнца, люди стали расходиться по одному и по двое. Тогда Лука пропустил меня в здание винодельни, где для нас была подготовлена небольшая комната. В ту ночь мы рухнули без сил. Мы веселились так безудержно, что уснули, не снимая одежду. Где-то в обед мы проснулись и сели в лимузин до местного аэропорта.

Это был лучший день в моей жизни. Так много людей, и всем так весело, так радостно от факта моей свадьбы. В отличие от банкетов в Штатах, тут царило подлинное веселье на всю катушку, настоящий праздник. Никто не сдерживался, не чувствовал, что нужно себя вести «подобающе» и «прилично». Люди просто напились и веселились. Никакой драмы, никаких проблем.

Ох, я даже описать этого не могу.

Лука уводил меня в гущу виноградных лоз при малейшей возможности и целовал, пока от его поцелуев у меня не начинала кружиться голова.

В какой-то момент, хорошо за полночь, когда мы оба были пьяны, у Луки в глазах заплясали чертия, ясно говорящие о том, что он хочет меня и ему плевать, как именно ему придется это получить. Я потащила его в винодельню на второй этаж, в темный кабинет.

Там я задрала платье, — я успела переодеться для вечеринки, — и он согнул меня над столом, крепко сжимая мои бедра, и взял меня прямо там. В порыве оргазма мы сдавленными голосами испускали стоны удовольствия.

Когда мы вернулись к гостям, раздался свист и непристойные шутки, не столь далекие от правды. Раньше я бы умерла со стыда, но теперь просто засмеялась, как над дружеским подтруниванием.

Сейчас мы летим на Карибские острова на свой медовый месяц, и Лука все еще отправляет рабочие письма, пока я это все пишу. Он говорит, что как только мы доберемся до отеля в Сен-Мартене, он заберет у меня нетбук до тех пор, пока мы не вернемся в Фирензу.

Я не возражаю. У меня будет достаточно воспоминаний, чтобы наполнить ими новые дневники в будущем.

Это пишу я, Лука. Я украл нетбук у Делайлы. Однажды, я обязательно куплю ей компьютер, но пока она говорит, что ее полностью устраивает и этот. Как по мне, довольно неудобно использовать нечто столь маленькое, но если ей так нравится, кто я такой, чтобы спорить?

По крайней мере, моей целью заимствования ее нетбука было сказать вам, что во время нашего медового месяца я подарю ей такое блаженство, что у нее совсем не останется времени на написание дневника. Время постоянной писаницы на этом закончится.

Я втайне от нее прочел этот дневник. Сейчас, читая то, что я пишу, через мое плечо, она лупит меня, думая, что я считаю ее безумной. Но она знает, что это не так. Я считаю ее талантливой писательницей и хотел бы, чтобы она издала свой дневник в качестве книги. Думаю, многим людям он понравится так же, как и мне.

Самолет садится, и бортпроводники говорят убрать электронные приборы. Так что я вместо Делайлы напишу концовку этой истории о том, как она влюбилась в сногсшибательного итальянского красавчика.

Я знаю, она будет писать еще. Но как же на счет этого дневника?

[1] Канноли — традиционный сицилийский десерт, представляющий собой вафельную хрустящую трубочку, наполненную начинкой из сыра рикотты с добавлением различных сиропов, вина марсалы или розовой воды.